

СЕРГЕЙ Бирюков.

ЗНАЕТЕ ЛИ
Конечности

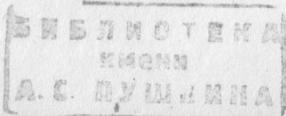
Сергей
БИРЮКОВ

З Н А К
БЕСКОНЕЧНОСТИ

СТИХИ И КОМПОЗИЦИИ

М 125023

Тамбов 1995

Оформление - Алексея Медведева
при участии Арт. Урмолова.

В тексте и на 2-3 стр. обложки рисунки
Лизы Бирюковой
«Муза с собачкой» и «Древесная заумь».
Фотографы - Б. и А. Ладыгинны, В. Хлыстов, Ю. Сычев

Сергей Бирюков род. в 1950 г. в деревне Торбеевке Инжавинского района Тамбовской области. Поэт, филолог. Член Союза российских писателей. Лауреат международного литературного конкурса в Берлине. Автор книг стихов «Долгий переход», «Пишу с натуры», «Муза зауми» и многих работ о русской поэзии, в том числе книги «Зевгма: Русская поэзия от маньериизма до постмодернизма» /М.: Наука, 1994/. Стихи С. Бирюкова переводились на болгарский, немецкий, польский, украинский, французский и японский языки.

© Добровольное общество любителей книги России.

ОТ АВТОРА

При составлении этой книги в 1990 году оказалось, что книг три. Первая охватывает часть того, что было написано в 70-е годы и не вошло по независящим от автора причинам в книжки «Долгий переход» /1980/ и «Пишу с натуры» /1989/. Ее тональность в моем ощущении определяется как «ре минор».

Вторая книга связана с двумя личными событиями - рождением дочери и возвращением к Хлебникову, так сказать, во «втором приближении» /«первое приближение» можно точно обозначить 1968-м годом/. Это примерно четыре года - с 1982-го по 1985-й.

Третья книга охватывает шесть последующих лет. Общее название «Знак бесконечности» появилось лет десять назад. Оно мне по-прежнему близко, и я решил его оставить, хотя помню стихотворение Иннокентия Анненского, помеченное именно этим знаком: «Девиз таинственный похож //На опрокинутое 8, где сказано, что «Бесконечность - только миг, //Дробимый молнией мученья». Часть стихов этого времени вошла в книжку «Муза зауми» /1991/, но это было совершенно особое издание, в котором мы с художником Игорем Ульяновым пытались найти графические соответствия стихам.

Для меня всегда было важно предшествие - традиция в самом широком смысле, в той бесконечности, где соединяются параллельные, где пересекаются фольклор и авангард, где звучание стиха становится как бы осозаемым.

Это пояснение я хочу закончить словами моего любимого поэта - Елены Гуро, чья пронзительная нежность притягивает меня более четверти века. «Отдаю тем, кто понимает и не гонит».

1995 г.

Поэзия ставит нас в центр,
от которого по всем направлени-
ям идут лучи, соединяющие нас
с бесконечностью.

Вильгельм фон Гумбольдт

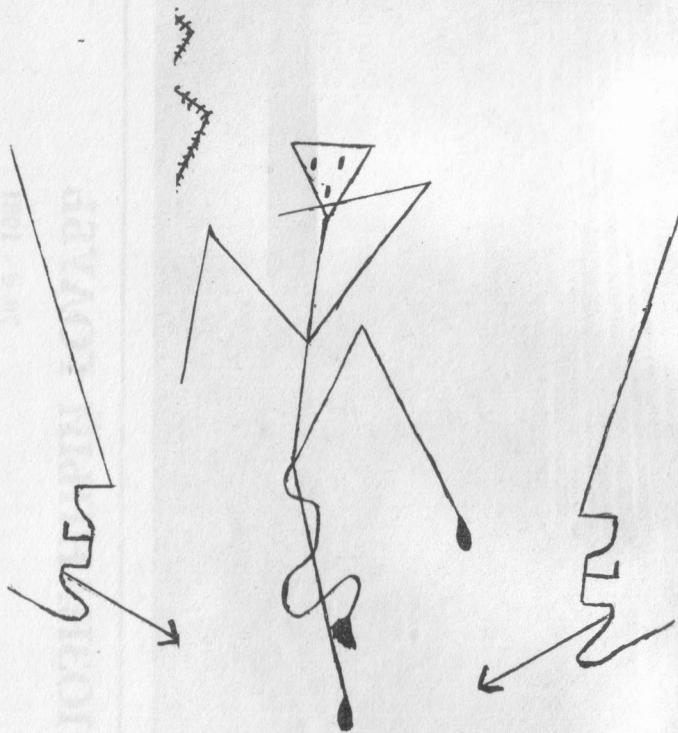
база - база
регистрация
 $S \leftrightarrow 25 \leftrightarrow S$
база - база
регистрация

КНИГА 1-Я

НЕОПОЗНАННЫЙ ГОЛУБЬ

70-е - 1981

мельк мимо

либ. 94

КОНЕЦ ВЕКА

Пока играет Вятка в прятки,
Тамбов не понимает шуток:
затронь - в любое время суток
Воронежу отдавит пятки,
хотя громадину Воронеж
и не проймешь, и не догонишь.
Пока все тихо, снег упал...
Портной в Проскурове проснется,
посмотрит в ледяной кристалл
и мыслям грустным улыбнется.
Но гул идет по городам -
неслышно, как по проводам.

Везде таятся перемены
и вызревают чертежи.
И Блоку видятся сквозь стены
«невиданные мятежи».

1978-79

* * *

Перегорела навсегда -
цветок печальный - резeda.
И вовремя взошла тогда -
трава большая - лебеда.
В муку растерли лебеду,
заели горькую беду.
Какое время утекло
в венецианское стекло.
Горячкой губы запекло
и никогда не отлегло.
Во тьме тяжелого стекла

река огромная текла.
В ней утонули все, кто мог
перешагнуть через порог.

1980

* * *

Леса разделись
стали скрипки
виолончели
контрабасы
и заменили ватерпасы
на метрономы
мастера

встал посреди кривого леса
один из гибкого железа
другой из хрупкого железа
с отчаянием новичка:
Стравинский в роговых очках
Прокофьев в роковых очках

1978

ЗИМНЕЕ ВИДЕНИЕ

И на Россию выпал снег.
Нам выпала такая доля -
сугробы полюбить и в поле
метелицу одну на всех.
Ветвь переломится в руках,
лежит земля в рубахе белой,
перед жильем оторопелым

совы застыла на ветвях.
Откуда взялся этот страх -
расширены глаза живые.
Заката раны ножевые
кровоточат в пяти местах.

1978

НЕОПОЗНАННЫЙ ГОЛУБЬ

Там пролетал голубь
и упал в прорубь
там ловилась рыба
но обвалилась глыба
льда
хлынула вода
и
два мужика
уплыли
незнамо куда
- Все это выдумки
и ерунда
какой голубь
какая вода мужики
а если уплыли то дураки

Голубя не опознали
мужиков не отыскали
знать уплыли в море
горе

1979

НОЧЬ

Нигде на свете. Ночь такая.
Нигде на свете
тьмы такой не сыщешь.
Такая ночь, что каждый шорох
слышишь
и ток подземных вод
и крови
толчки в виски.
Такая темень. Тьма.
Деревня спит,
молчат собаки
в страхе
деревня спит
в смирительной рубахе.

Из чернозема
вылеплена ночь такая
темень тьма

1978

Рыщет по Тамбовской области
одинокий волк
и того, что одинок
не возьмет он в толк.
Рыщет, рыщет -
пары ищет.

нет жены

Все в жратву погружены.
Окровавленные морды
сунули в коровьи ребра.

Он зализывает бок.
Рыщет волк. Одинок.

1979

ПОСЛЕДНИЙ АНАРХИСТ

Вот Бакунин
склонился над Кантом.
Революцию пишет
Кропоткин.
Плохо быть на земле
арестантом,
умирать от чахотки
и водки.
Не гораздо ли
во поле мглистом
погулять от души
анархистом?
Но зачем
переборы гармошки
так терзаешь ты, Нестор Махно?
На душе твоей греются кошки
и скребутся на волю давно.
Нету воли
и тут
в Гуляй-Поле.
Лает бешеный
пулемет.
Что Бакунин
у Канта найдет,

то годится как раз
на раскурку.
Пуля в сердце влетит
сквозь брошюрку.
Мать порядка тебя не спасет.

...На Кропоткинской
вышел старик -
на руке чуть заметны
наколки.
Он давно головою поник
и не верит уже в кривотолки.

1981

ПАСТОРАЛЬ

В те дни, когда.
В каких садах?
Что до сих пор
стоит в ушах
далекий звон.
Наводит он
так много дум.
Не звон, а шум.

В те дни плетень
зазеленел,
и никуда не улетел.
Побеги дал назло молве.
Когда проснулись по весне,
рос рядом крохотный плетень.

В те дни, когда

в плетнях цвело
слегка вздохнувшее село,
подолгу не стущалась тень.
Но лишь набухнет -
и мгновенно
ночь падала обыкновенно
от горизонта до окна -
темным-темна.
Гляди, наткнешься
на плетень
в такую темь.
В те дни, когда...

КУРИЦА - НЕ ПТИЦА?

Птица домашняя -
хозяйка настоящая.
Курица-несушка
занята делом
насущным.
И петух поет
тебе хвалу,
ястребу - хулу.
Птица курица,
слетевшая с небес
для земных чудес.
Вечно голодная,
доверчивая,
но свободная купаться в пыли
благородно,
кудахтать
когда угодно.
Яростная наследка
когтистая -
птица великая,

рождающая
подобие мира -
золотое яйцо.

1981

СОВЕРШЕННО НЕВЕРОЯТНАЯ
БАЛЛАДА

Пересохла Лета
в роковые дни.
Перешли, кому хотелось,
чуть замочив ступни.
Перешли, уселись
на другом бережку,
А что делать дальше?
Ку-ку!
Сидят, кукуют,
воду в ступке толкуют,
кто толчет,
а кто просто
не делает
ниче.

Сидят.

Дождик пошел
вначале, а потом
ДО-О-ОЖДЬ!
Что же это?
Вышла из берегов Лета.
Мат-перемат:
- А как же назад?
Мужики ругаются,

бабы ревут
/ появились потомки,
а тут потоки... /
А один рассказывает
странныю историю:
мол, пересохла Лета
в роковые дни,
шли, не замочив ступни,
и т. д.
Двоих ринулись в поток -
наутек.

1979

СПАСИ И СОХРАНИ

Каждый вечер молитва.
- О чём ты молишься, бабушка?

Слушаю:
- осподи веру
наиуду... колая антонину
анну и деток их ... дра
...геля влади лидию
спаси и сохрани
и отпусти... решения наши

Я засыпаю и слушаю:
спаси и сохрани
души детей твоих
неразумных
спаси и сохрани

спаси и сохрани
спаси и сохрани

только это и стучит мое сердце

1979

ДИАЛОГ

Вчера переплыл речку -
воробью по колено
и не утонул!

А ты обронила колечко
стальное,
нашла золотое.

Бросила золотое:
- На кой мне такое,
достань стальное! -

И реветь.

Я говорю:

- Рева,
тебя испугалась корова
и не дает молока,
чем будем поить
телка?

Да перестань! -
Но тут наступала весна.

Ты реветь перестала.

Помнишь, колечко
достала.

Пошла погулять, да упала.

Я было встал,
да тоже упал.

Лежали, лежали,

хотели встать,
да трава вросла
в носы и уста.
Пока траву обрывали,
цыплята все убежали.
- Нет. Было не так.
Ты утонул в речке,
подошли овечки,
выпили всю воду,
нашли себе броду,
а я нашла тебя.
Из воды достала,
поцеловала в глаза и уста,
ты было встал,
да опять упал.
Тут убежали цыплята,
но я в том не виновата.

1979

* * *

Геннадию Калашникову

Сквозь пепел сиреневый
красная крыша вставала
и яблоня будто бы с крыши
свисала,
а я говорю не о том,
что бывало,
о том говорю,
чего больше не стало.

Где старая вишня
зрачками сверкала,
где вишенку сладкую
добрая птица клевала.
И умер глагол сиротливо.

№ 125023

БИБЛИОТЕКА
имени
А.С. ПУШНИНА

И в землю зарыли его
торопливо.

Новый сад подрастал
терпеливо.
Где-то новый глагол
пробивался.
Но уже не кусала
крапива
тех, кто больше
в живых не остался.

1981

НЕСКЛАДУХА

Владимиру Тихомирову
«В огороде бузина, в Киеве дядька.»

В одном, в другом и в третьем,
в пятом и десятом и совсем
в двадцать шестом
один на дороге встретит,
а другой укажет перстом.
И вот идешь неведомым путем,
а какой это путь, тропка ни тропка,
а навстречу тебе старичок
в бороду бормочет.
И уже чувствуешь - горячо,
а дождь так и поливает,
дождь тебя, значит, мочит.
А все вокруг молчат,
словно знать ничего не хотят,
да и не знают и не видят.
Сирень пускает пузыри

от зари и до зари
шальные песенки ветвятся.
Что, и надо ж тому статься,
прямо вышел, куда след.
Оглянулся: дед-ни дед,
гриб стоит под шляпкой бурой.
И, накрывшись партитурой,
девушка с губками припухшими
спит на неведомой опушке.

1981-82

ПЕТУХ

Претенциозный, с длинным пером,
гладкий петух.
Что-то хозяин стоит с топором?
Хочет, чтоб глаз твой потух.

- Разве не пел, не будил
сквозь оконце,
радуясь солнцу?!

Горько петух про себя усмехнулся,
голову медленно набок склонил
и на пеньке свои глазки закрыл.

Вдарил Хозяин - и не промахнулся.

1980

ИТАЛЬЯНСКОЕ КИНО

И нам казалось -
снова мы в Европе,
и в деревенском клубе
улыбалась нам

Кабирия сквозь
слезы.
И с удивлением
узнали, что Рим
Совсем не Рим, а Рома.
Вот были чудеса:
Италия Ахматову седую
венчала славой.
И плакала Кабирия,
девочка из поселка,
обманутая трактористом
Вовкой.
И нам казалось -
снова мы в Европе.

1980

СТИХИ НА МОГИЛУ
ХАЛИНЫ ПОСВЯТОВСКОЙ

Еще стояло утро.
Пока в полуденном солнце
не растворилось.
Еще утро было сквозь
листву,
еще сквозь
ресницы дремоты.
Еще утро,
32
крупным шрифтом
набрано на стекле.
Еще утро, еще Халина,
еще 32.

1976

ЭСТОНСКИЙ БЛОКНОТ

I

ТАЛЛИН В РАЗРЕЗЕ

Таллинн пряничный, сизоватый.
Таллинн в шерстяных носках,
белых, грубой домашней вязки.
Город невесомый,
корабль
из неведомых широт.
Книга
в переплете
телячьей кожи,
где кузнецы отковали
строки истории
Лифляндии-Эстонии.
Таллинн - дымящаяся
чашечка кофе,
бездонная.
Вана Томас
держит небо
указательным пальцем

II

МОЛОКО ЭСТОНИИ

Где молоко Эстонии растет?
На краешках дорог
и на лесных полянках.
Тут свой масштаб
и свой простой расчет -
на островах растет
и полустанках.
Молочно-белая Ээсти
на молоке готовит вести,

на молоке готовят краски
и молока добавит в сказки.
Пьют из молочной чистой
Леты
и пишут молоком поэты.
Им нет забвения за это!

III

«МЕЖДУ ТРЕМЯ ПОВЕТРИЯМИ»

Не называю любимых имен.
Каждому известно,
что злые духи
не спят.
У них зоркие глаза
и чуткие уши.
Правда, злые духи
очень гордятся
этими достоинствами
и показывают друг другу
свои зоркие уши
и чуткие глаза.
Это и спасает нас.
Пока они спорят:
у кого глазастее уши
или ушастее глаза,
тут мы и успеем
обрести надежду
и подарить ее
ребенку.

1981

НОЧЬ
ВХОДЯЩАЯ ВЕРЛИБРОМ

Ночь - большая женщина -
входит в дом не торопясь,
чуть наклонив голову,
чтобы не треснуться
о потолок и не превратиться
в утро.
Она рассаживается
на стулья, кровати, столы
/большая, много места надо/.

.....

Осторожно прикасаясь
к ее руке, подношу
к глазам - тонкую
и прозрачную, и замираем
так, надолго, тайно,
коротко.

Вдруг с платья ее
ссыпаются длинноногие
звезды и, звеня, рассыпаясь,
падают - не выдержала,
встала во весь рост -
утро.

1970

В КИНОТЕАТРЕ

Ладонь своей руки
я положил
на твою ладонь,

и ощущил огонь -
там по линии
ладони твоей
и по линии
ладони моей
пробежал маленький поезд,
но все-таки достаточно большой,
чтобы ощутили гул
те, кто чай пил
и в ус дул
в соседних домах.

1980

* * *

Ветвь меньшая от древнего рода,
дочь развеянного народа,
чудом выношенное дитя,
я любовью согрею тебя.
И воскреснет на дереве вишня.
В книгу судеб два имени впишут
те, чья жизнь еще впереди.

Сохрани. Отведи. Огради.

1981

В ТЯЖЕЛУЮ МИНУТУ

Напомни, чья строка
боль притишаet,
исцеляет раны,
вскрывает острием
глобальные обманы...
Вот вертится, а вспомнить
не могу.

Вот вертится неуловимо,
так может жизнь пройти -
и мимо, мимо...
Напомни имя,
имя, имя!
Я обещаю вслуш
не произнестъ...
- Да, это имя есть.
К твоим губам я прикоснусь
губами -
и пусть оно пребудет
между нами.

* * *

На улицах, в слухах и лопухах,
в шепоте, в топоте и перезвоне...
И не знают еще, - в каких краях
открыться всходят и в каком сезоне.
Быть может, бедность - не порок,
ведь и вправду бывает не такое.
Но переступиши через порог
и сказать не сумеешь самое простое.
А там, где растет лопух и молочай,
и, кажется, хуже и не бывает,
дитя выходит невзначай -
и пьет молоко, и на скрипке играет.

СМУТНОЕ ВРЕМЯ № 1977

- Где мужики?
- Пьют.
- Бояре где?
- В оппозиции
/курбские - в загранице/ .

- Опричники?
- Прелюбодействуют.
- Что это на дворе,
которое время года?
- Приличная погода.
- Что же мне давит в темя?!
- Смутное время!

ДЕНЬ 29 декабря 79 г

Когда умолкнет
день
пробьется строчка
из глубины тонкой
бумаги
тень прошедшего
ушедшего
минувшего

дикий шифр -

а ключ отыщут завтра...

ПРЕЛЮДИЯ №1

Прозрачный небосвод
закрыт внезапным
смыслом.
Душа бежит одна,
где радуга провисла,
а может быть, и выше,
тут как знать,
где обретешь,
какую благодать,

где винт найдешь,
а потеряешь гайку,
где разорвет вода
столетий спайку,
и руку вдруг
ошпарит кипятком...

Едва ли мне
могло в другое время
прийти на ум,
что не зависит семя
от одуванчика,
от клена и сосны.
Что ветер переменит
вектор
и унесет за тридевять
земель,
и что не обойдется
без потерь.

Блеснул и уничтожился
в пространстве
печальный светлячок.
Как хороша в недвижном постоянстве
природа притаилась
и молчок.
Гроза, любовь...
Немало темных слов
придут, помнутся,
ничего не скажут,
но вновь узлом
соединят, завяжут,
соединят,
соединят,
соединят.
Я в первый раз попал

в такую переделку.
Бросаю вверх
столовскую тарелку,
она сейчас же
надо мной зависла -
и обнаружила тем самым
много смысла.

1980

ПЕРЕМЕНА СЛАГАЕМЫХ

Как мука и мука -
две равных суммы,
два различных смысла,
как радуга совсем не коромысло,
как в Hand(e) не вмещается рука.
Бросок и барс - единые понятья.

1980

ПРИЧИННО-СЛЕДСТВЕННОЕ

Марине Кудимовой

И только тень стиха
осталась нам в наследство.
Исчезла цель,
к чему пустое средство.
Причины не останутся
без следствий.
Вот горький опыт -
следствие причин.
Движение
бесконечных величин
в пространстве космоса,
не знающем пространства.

В презрении любви
и постоянства.
Меж тем и этим берегом -
дыра.
И тень исчезнет вскоре.
До утра.

1980

«ЗЕРКАЛО»

Белый день, и белый голос,
и пшеницы спелый колос.
И не умерли родные -
били родники сквозные
и поили влагой рощу.
Надо двигаться наощупь,
чтобы слышать голоса,
а потом открыть глаза
и увидеть небеса.

1978

ОРИЕНТАЛЬНЫЙ МОТИВ

Этот года Золотого Пряника,
завернутого в пергаменты
с таинственными письменами.
Отрицается паника,
не завернутая ни во что,
среди нищих умами.
В этот год учились
слушать брюхом
непонятные иносказания,

а для неучей,
нищих духом -
не учеба,
а чистое наказание.

- Смотри и смотри
в небо,
и оно перельется
в глаза.

Я не верю в твою небыль,
дервиш,
ты блеешь,
словно коза.

1981

ОТКРОВЕНИЯ ЗАСУХИ

Я заглянул в расщелину
в земле -
и в ужасе отпрянул,
так явно показалось мне,
что на меня оттуда
кто-то глянул.

Кто в толще, в недрах
прячется от нас
помимо угля, нефти,
руд железных,
и вдруг однажды
выскочит как раз
и нас добудет -
теплых и телесных.

И кто так тянет
сильно из земли,
что даже птицы
вечно не летают.

И только мысли вечные

вิตают,
но далеко -
в космической пыли.

1981

МЕСТО НА ЖИТЕЛЬСТВО

Куда ушла печальная мордва,
забыв при отступлении названья?
Мещера, Цна, да и сама Москва,
когда откроют тайные преданья?

Прабабушка моя, зачем платок
ты метила мордовской красной ниткой?
Поблек пейзаж знакомый за калиткой.
А на холсте немеркнуший цветок.

Какая сила бьет из-под земли
и женшине диктует в рукodelьи,
какие там цветы еще цвели,
и что случилось после в самом деле?

1980-81

ПО ТЕЧЕНИЮ

...сквозь заросли
девясила
по дикой Панде'
холодной родниковой
синими от ежевики руками
разбирая завалы

*Панда - речка в Тамбовской области

когда
крапива лезет
в рот-уши-ноздри
тут налимы
прыгают
прямо в руки
а раки
повисли на ветке
которую взял отмахнуться от слепней
с цветком девясила в петлице
по загадочной реке
загадочной страны...

1979

НОЧЬЮ ПЕРЕД ОГНЕМ,
В ДЕТСТВЕ

Александру и Виктору

Вьюшка откинута прочь,
тянет легко в поддувало.
Это когда-то бывало -
пламя гудящее, ночь.
Страшные зимние бесы
хлопают дверью нарочно.
Как в этом мире чудесно,
как все непрочно.
Можешь погибнуть внезапно
в эту, в сию же минуту.
Кто-то в окошко царапнул,
смело царапнул, круто.
Чьи это очи сверкают
сквозь занавеску с плетня?
Пращуров так вспоминают:
чур меня, чур
меня!

ШЕСТИДЕСЯТЫЕ

I

Лыжи у печки стоят...
Ю. Визбор

В пальто демисезонном,
в тоненых ботиночках,
в летней кепке.
И никакой мороз.
Ты это помнишь,
старая песенка,
о, ля-ля!
И наш раскованный сленг,
когда растаял снег,
уплыл с полой водой
в далекие моря.

II

Атланты держат небо...
А. Городницкий

О, певучая фанера!
Пальцы сбитые до крови.
Наши первые любови
и рябяческая вера.
Снова возникает тема,
где атланты держат небо.
Почему же все так немо,
что не верю в эту небыль?
Где же девушка Татьяна,
что играла на гитаре
про атлантов и титана
и про девочку на шаре?
Все проходит. В сердце смута.
И она пройдет когда-то.

И опять поет кому-то,
тонко плачет виновато
та певучая фанера,
неизменный вид набата.

III

Отшумели физики и лирики,
и явились эпики, эмпирики.
И остались от былой романтики -
ножки-рожки, выцветшие бантики.
На осенних слякотных дорогах
много листьев лавра и фиговых.
Фиговые листья не в цене -
истина по-прежнему в вине.

Сартра том с закладкой пожелтелой
превратился в том бумаги белой.

Но в душе остались письмена -
счастье, боль, сознанье и вина.

1981

КОРДЕЛИЯ

Ей: Вот и она!
И в счастии несчастна.
Прочь, прочь, поди ты,
вестница беды!
Ты лжешь опять,
что эта ночь ненастна,
и смуту вносишь
в стройные ряды.

Она: Да буду изгнана,
да не увижу

отечества ни древа, ни куста.
Но истины я не унижу.
Перед отцом и небом
я чиста.

Ей: Прочь, выродок,
не тронь священных слов.
Исчезни, сгинь,
чумы вещунья сброва.
Знай место ты,
среди ужей и сов,
не то узнаешь
гнев и суд народа!

Она: Покинуть дом!
Такое наказанье
придумать может разве сатана.
Я ухожу, чтобы вдали,
в изгнанье
молиться о тебе,
несчастная страна
моя...

Э п и л о г
П л а к а л ь щ и ц ы:
Корделия, восстань и научи -
как видеть свет
в кромешной тьме ночи.

НАВСТРЕЧУ ГАМЛЕТУ

Гул затих...
Б. Пастернак

Вновь Гамлет. Смерть и слово, и любовь.
И время катится во времена Шекспира.
И точно в сердце целила рапира.
О, голос разума во время пира,
во время, не скажу чего, но вновь
соединило слово два несчастья.
Ужели смертью на любовь венчаться?

Нет. Был любим. Из-за стены звучал,
с такой печалью призывал к зарядке,
и впрямь подумать можно, что в порядке
давно на свете все, о чем кричал...
О, Гамлет в галилеевом обличье,
с Гитарой-Фениксом,
подбирающий слово -
никогда - последнее..

1980

ТРИ ДОРОГИ

Из трех дорог
четвертую избрать
нам не дано.
Куда же двинуть?
Прямо.
Там скатерь-самобранка
и вино,
деревья и кусты
там пахнут пряно.
Там так тепло,
что созревает дух
так быстро,
что дает три урожая,
но гады там здоровью
угрожают
и не по-нашему кричит
петух!
Налево что ль?
Направо ли пойти?
Да видно никуда
нам нет пути
из трех дорог
и только по четвертой

мы устремимся мыслию своей -
там тьма, ни вех,
ни фонарей,
ни мало-мальского
приюта
блуждающим под сению салюта.

1980

НА КОНТИНЕНТЕ

Ветер сухой, континентальный,
солнцем вдобавок разогретый.
Вспыхнет мотив ориентальный,
когда ты идешь полураздетый
по степи обнаженной,
оврагамиискаженной.
И шиповник гнется от ветра,
который забросил сюда семя
и воду, и взрастил чудесное племя -
куст гениальный, как баобаб огромный
с шипами для неприкословенности.

Вот и весь континент.
Кусок степи неприкасаемый
с белесой травой,
сухое небо с простишками
облаков.
Человек с басенной моралью -
обкусанной травинкой - в зубах.

* * *

Вот словечко в простоте -
коровка божья на листе
травы, колеблемой движеньем

воздушных масс. Преображенем
наполнена земля в достатке
и соки майских травок сладки,
июльских вишен терпка мякоть,
антоновка спасает в слякоть.
С янтарным яблоком в зубах
альбом листаешь Левитана
и думаешь, что на холстах
жизнь совершилась непрестанно.
И вот живой природой стала.
Морозец вдариł от реки,
как будто книгу пролистала
рука от корки до доски.

1981

* * *

Вадиму Перельмутеру

На пригорке синеет цикорий,
а полынь серебрится.
Время мчится быстрее, чем птица,
не заметишь, как быстро, как вскоре
отсиgneет и припылится.
Цвет вчерашний уже не годится,
да и нам ни к чему молодиться.
Но дано ли тебе возродиться
и полынью в степи серебриться,
лебедой при дороге бугриться,
человеческим сыном трудиться,
человеческим сыном страдать?..

14-Й КВАРТАЛ

I

В ночи оглушительно тихой
внезапный крик
и три фальшивых аккорда
на двенадцатицубовой гитаре
взятые браво
укрепили смущенный фальцет.
В 12 часов ночи
поет городской петух -
мальчик 13-ти лет.
Вот эстрада его -
стол доминошный,
где час назад завершился
чемпионат
достойный трансляции
по всем каналам.
Дощатый стол,
сооруженный
мастером «золотые руки».
А сейчас сын мастера
пробует голос
и немного смущается.
Но в темноте не видно,
что щеки порозовели.
Первый выход,
первое возвышение
на целый метр над землей.
Первый петух пропел в ночи.
И луна - консервная банка -
выкатилась из-за тучи.

II

Два голубя, как заводные,
ходят по краю крыши,
кивают головками в такт.
А потом я увижу
маленьких голубят.

Здесь и мои родные.
Я тоже живу здесь
и головой киваю,
как голубь заводной,
с другими заодно.
И не улетаю.

Я тоже здесь зимовал
и зерна искал в снегу.
Но больше не могу.

III

Нет одиночества.
Стон домино.
Черною радостью
брьзжет вино
в праздном дворе.
Голуби шумно роняют помет
некто с пластинки
весь день напролет
то ли ругается, то ли поет
в праздном дворе.
Отдых в разгаре.
И повода нет
плакать и
горевать.

Но веселиться
и ликовать
в праздном дворе.

Хватит до сумерек
юмора нам,
хватит, а там
как-нибудь скроются
все по домам
ждать.

1979-1982

В МАШИНЕ,
НА ПРОСЕЛОЧНОЙ ДОРОГЕ

Как слякоть пережить
и зиму пережечь,
чтоб вновь весны
поймать живую речь
и летних дней ленивых
разговоры?
Но как на выводы,
однако! скоры
мы, те, кто ожидал
похолоданий градусов
на десять,
не догадавшись все понять
и взвесить,
что за циклоном вслед
антициклон,
что есть цветы и есть
одеколон,
что дикий взгляд и дикий также бред
есть отраженье неких общих бед,
тех, за которые один ответ.
Так будь здоров. И пламенный привет!

В ближайшие семь дней
наступит потепленье,
и горечь обернется
искупленьем.

Ты веришь? Да! А он не верит.
Нет.

И греет сердце холодом примет.
И снова думает, что вечна слякоть,
и снова нервничать, молчать и плакать.
В молчанье суп молочный согревать,
учить других, как плохо горевать,
а лучше, право, петь и танцевать.
И незаметно слезы вытирает.

1981

На невозвратной дороге.
- А разве такие бывают?
- Да, только их забывают
и возвратиться хотят
по невозвратной дороге,
куда лишь души летят.

1981

ПУТЬ

Не повторяя путь чужой,
я знаю - в воздухе осталось
все, что когда-то написалось,
попробуй, что-нибудь закрой!
Не в башне из слоновой кости
сойдутся вновь ночные гости.
Пространство ты рукою тронешь -
и вмиг проявится Воронеж.

Встряхнется, встанет из-под спуда.
Ага, так вот она откуда!
... Мы говорим уже не сами,
но некто нашими устами -
сбивается на крик, на шепот,
как будто не умолкнул топот, -
спешит свое пересказать.

1981

УЗЕЛОК НА ПАМЯТЬ

Да, только тот и жив,
кто не бренчал на лире,
а звуки тонким слухом
извлекал.

Да, только тот не лжив
в подлунном мире,
кто славы ведал вкус, но не взялкал.

1980

БРОДЯЧИЙ СЮЖЕТ

Через моря и страны -
тысячи-тысячи лет -
тенью навязчивой, странной
бродит и бродит сюжет
в образе человека.
Не знает ни часа, ни века.

Вот и бродит, стучится в дома:
- Пустите, если не сошли с ума.
А в ответ: - Нет, нет и нет!
Прочь, бродячий сюжет!

Кто-то в дверь мою
скребется и плачет.
- Кто там?
- Я, сюжет бродячий.
/-Открыть или нет?/
- Это я, бродячий сюжет.
Это я, в последний раз.

1980

ОСТИНАТО

Музыка останется одна,
если слово вымрет от испуга,
краски перепачкают друг друга,
музыка едва-едва видна,
музыка останется одна -
в двух горстях октава и октава,
звук пустейший, детская забава,
жизнь мою пронзившая до дна -
музыка останется одна -
скрипка, голос и фортепиано
скажут не лукавя, без обмана,
чем жила такая-то страна.

Музыка останется одна!

Музыка едва-едва видна,
жизнь мою пронзившая до дна -
музыка останется одна.

1980

* * *

Беречь ненужное.
Быть вечно в нищете.
Освободиться.

БАБОЧКА

Пыльца облетела с крыла.
Бабочка, вид твой печальный
не вселяет надежд
на лучшие времена.

1980

ПО КОМПАСУ И СОЛНЦУ

Как будто намагничена
стрелка,
как будто она показывает
на север,
как будто направление
определенено точно,
как будто движемся.
Но на второй день
пути
мы вышли на прежнее место,
все в том же густом лесу.
И тогда решили
определять путь
по солнцу

1980

У ПОДНОЖИЯ МТАЦМИНДЫ

Мтацминда - горькая гора,
где бьет поэзия из праха
и нет ни жалобы, ни страха.
Цветет блаженная пора.
На свете, где печаль горит
большими красными цветами,
одна поэзия дарит
нам то, что назовете сами.
Без перевода входит в нас
Галактиона дух мятежный.
И превращается в Парнас
зеленый город или снежный.
Там кто-то бродит с фонарем,
петляет в паутине мрака,
слепит в неведенье своем.
И снова назревает драка.
Но этим он по горло сыт -
тем, что свершается наружно,
пока гора святая спит
и кашляет душа недужно.

1981

ИЩИ ИГОЛКУ В СТОГЕ СЕНА

Из цикла
«Пословицы и поговорки»

С утра до вечера до пота,
до ломоты в спине - работа.
Такая выдалась нам смена -
искать иголку в стоге сена.

Иголка - мелочь и пустяк.
Но кто ее оставил в стоге?

И что получится в итоге?

Пожалуй что, не просто так
все это в наши дни свершилось,
что нашим пращурам не снилось,
как истинно бывает горек
пословиц смысл и поговорок.

Иголка - ниточка металла -
откуда в стог она попала?
Зачем сознанье пронизала?
Кричи в иголкино ушко -
в другую сторону ушло.
Разбросан по травинке стог.
Вот горький опыт, вот итог.

- Какого здесь искали толку?
- А, мелочь, пустяки - иголку!

1981

* * *

Где прошлое?
«Ужасно иль темно».

И новым снегом
замело окно.
И нас
потомок сразу не узнает.
Снег заметает.

Как мы не узнаем,
когда весной растает,
обезображенной земли.
Пока на ней цветы не зацвели.

1981

МЕЖДУ ОГНЕМ И ВОДОЙ

Елизавете и Всеволоду.

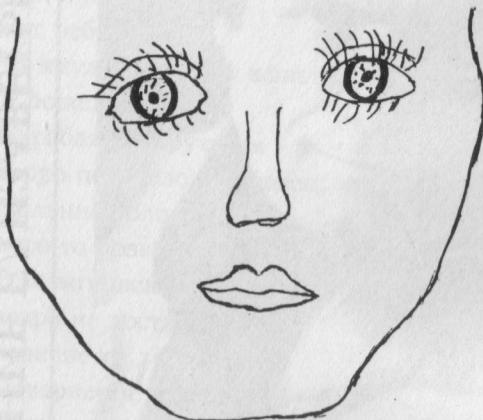
Отдыхает на свежей соломе теленок,
от летящих по воздуху теплых пеленок
пар.
На земле этой круглой,
почти что как шар,
на боку ее выпуклом
дом прилепился,
вот ребенок
из кружки водицы напился
и пошел, не упал.
Барабан раскрутился -
ведро полетело в колодец.
Дальний голос
кого-то позвал...
В то мгновенье, покуда
ведро не достигло воды,
повернется земля.
Повернется!
Успеет уйти от беды!
Перегнулась в ведро
из бадьи ледяная вода,
и дрожит меж огнем и водою слюда --
лепесток розоватый
из вечного сада,
заслоняющий мир от распада -
обнаженный ребенок.

РОЖДЕНИЕ ЕЛИЗАВЕТЫ

1982 - 1985

КНИГА 2-Я

ЛиБ, 95.

* * *

... я приносил тебе глагол
и целовал твои ладони,
когда всходило между зол
сухое пламя над водою.
Ты - обнаженное тепло
морской волны солоноватой,
где так от замысла светло
и так от промысла крылато.
Набухший розою январь,
в лучах - сиреневая птица, -
там, где восходит божестварь
и зреет гордая цыплица.

* * *

У реки ракита.

Рами и Сита.

Даждьбог

пошел со всех ног,
подставляй корыта,
раскидывай лог!

Я полотенцем оботрусь,
к щеке прижмется рожаница.
Мужик, не горевай, не трусы:
рожает рожь, родит пшеница.
Поспели ранние овсы,
кормежки хватит для овцы.

Здесь всходит дочь Елизавета -
в ней свет завета и обета.

1982

* * *

Тайна выскрека
и жилка
виноградного крыла.
Поминутно скачет стрелка -
от мороза,
до тепла.
Там, где девочка проходит,
лед смиряется вптымах.
Словно бабочка
летает
на двенадцати крылах.

* * *

И одно пространство делили,
и встречались в пространстве одном.
Между белых и черных лилий
плыли днем с огнем.
Случайных жалить - вовсе нет охоты,
Я не виновен, как пчела,
что если медом надо наполнить соты,
то нужно, чтобы гречиха цвела.
И не сетовали на неудачу,
и не бегали от...
А кто говорит, что люди не плачут,
то это он неверно говорит, врет.
Розоватый цветок гречихи,
как пальцы дочери моей, нежный.
Как мир опасный,
но еще безбрежный

1983

158-Я ПОЭМА

(отрывок)

- ...семь бед и семь грехов,
и семеро не ждут,
я не пишу стихов,
а жизнь сжигаю тут. -
Так говорил герой поэмы
и продолжал:
- Я старый человек,
но я устал напрасно,
впустую говоря, что жизнь
прекрасна.

Не древний манускрипт
читаю по складам,
а что во мне болит -
не понимаю сам.
Сказал - разрыв-трава,
как пулей разрывной.
Лишь женщина права,
шепнув: - Любимый мой!

Как в чреве материнском,
висит на пуповине
космонавт.

Ребенок в мир
из космоса летит
и ловит воздух ртом
и жабры отмирают,
и жителем Земли
пришельца называют,
а у него животик
крутит и болит.
Как трудно привыкать
к земному тяготению,

к земным плодам -
терпенью и варенью.
Грудь матери - одно успокоенье -
мелодия, стихотворенье.

Так говорил герой поэмы
и продолжал:
- Здесь шум и гам,
и таарам.
Здесь ветер бьет в окно
и фортуку отворяет.
Здесь на свободе
смерть гуляет
днем и ночью.
Но про нее и думать не хотят.

.....
Все кажется, что это лишь
пролог, вся эта жизнь, чудацествами
полная.
Вот бог тебе, а вот тебе
порог.
Вот счастье, но от слез
немного солнце.
И в слове трапеза
уловишь траур.
Как хочешь назови -
предбанник или тамбур -
и будешь прав.
В материях не очень
отвлеченных,
таких как:
«Хлеб насущный даждь нам днесъ», -
неужто ты исчерпан весь?

Тут герой поэмы как бы развоился.
И он же говорит:

- Да, я такой, я утверждаю жизнь.
Земные блага, да, во что бы то ни стало.
Пускай гуляет смерть,
а мне и горя мало!
Я столько видел
горюшка живого.
В мольбах о хлебе - что плохого!
Толкуйте о материях высоких.
Но их питают жизненные соки.
- Да, это верно,
что лошадь ест овес,
корова сено,
и что тому и море по колено,
кто не всеведущ, кто без откровений
находит путь к желудкам поколений.
- Но чистоту эксперимента
не сбережешь от экскремента.
А мы навалимся всем миром.
Вино закусим хлебом - сыром.

Хор.

- Неужели невозможно
уравновесить раз и навсегда
стремленье ввысь,
а будет перевешивать еда?

Здесь снова говорит герой поэмы,
соединившись вновь в одно лицо.

- Итак, мы говорили о ребенке.
Он трудно привыкает, но живет.
Еще немного, встанет и пойдет,

путь человеческий в ошибках
повторяя.

Вот голова его совсем седая,
он морщится от боли,
он скрипит,
но движется,
душа его не спит,
душа его по-прежнему живая,
новорожденная.

1982-83

* * *

Город, рельефом тайным,
вспучиваешь строку.

Остров необитаемый
на спине волоку.

Где дом - дрожащий скворешник,
заглянувший в пробел бытия.

А свет, целующий нежно, -
книга и семья.

Я увидел хвостатую сигму
на небе синем, да,
синем.

И неба прозрачная плоть
рубцевалась мгновенно
без следа

* * *

Лепесток неувядаемый
залетел в мою тетрадь.
А то как же, уважаемый,
чтобы жить да не страдать.
- Да не будет слово за слово

и зуб за зуб, глаз за глаз.
Лепесток, сердечко-ласковый
проступает, словно Спас.
Лепесток мой - трепетание,
впредь прошу - не увядай!
Я спою тогда страданье,
когда плачется - рыдай.
Я целую дол и лепет,
сумрак, родинку, ладонь.
Холод, зной, стригущий ветер,
лепестка не тронь.
Птицей, песней обращаемый,
пущенный в века,
лепесток неувядаемый,
живый памятью цветка.

ВЕЧЕРНЕЕ МГНОВЕНИЕ

тополь в серебре
и солнца не отражает
тополь в сентябре

никак не хотят созревать
зимние яблоки яблоки
и хочется горевать

это минутное
смутное
прочь!
так бывает бывает
когда дверь открывает
ветер из вечера
в ночь

1982

КУСТ ШИПОВНИКА

Как шар, шиповник
цвел среди цветов поляны,
напоминая мне иные страны.
Как шар воздушный.
Мир был цветочный, пахнущий
и душный.
Как счастье, как
любовь,
которая слепа
и колется шипами,
и простодушно
ахает цветами.
И зоркая роса дрожала
на вырезных листках,
напоминая об иных краях.

1983

ПРИМЕТА ДНЯ

Такая диалектика кругом -
на машине и на осле,
что Сталин на одном стекле,
Высоцкий - на другом.

1982

На ветке со стороны Солнца
и на ветке со стороны примороженной
сидели две птицы
веселая и настороженная
а когда Солнце поменялось

то оказалось
все так и осталось

1982

ПО КРАЮ ВЫШИВКИ

Атнеру Хузангаю

Чужое лицо
может показаться страшным,
чужой почерк -
неразборчивым,
чужое слово -
диким.
Опять увела меня
кровь
к истокам.
Вижу ласточку
над полем.
Мышь юркнула
в норку.
Женщина
ступает осторожно.
Красная нить -
красная.
Черная нить -
черная.
Белый свет -
белый.
Катится клубок
разноцветный.
Девочка бежит
через поле.
Я узнаю лицо
чужое,
почерк понимаю

и слово
ласкает слух.

1983

* * *

По мотивам картин
чувашского художника
А. Миттова

Женское начало земли
не отпускает мужчину.

Симметрия нереальна.

Правда - между полетом
журавлиным
и пешим шагом овечьим.

Голосом человечьим
говорит легенда.

Вечное лоно.
Трава
примялась и распрымилась.
И
белее метели
холмики
обнаженной
земли.

Устремленное ввысь
не дает упасть.
Как будто найдена
точка опоры -
удержать мир...

1984

ЕЖЕВИЧНЫЙ БЕРЕГ

Юнне Мориц

Над речкою сутулится ветла.
Но это перевод. В оригинале
она растет и думает едвà ли,
что вплоть до сумерек вода светла.

Напевная ломается строка.
Не скажешь - стой! - счастливому
мгновению.
Не поддается олицетворенью
ни берег, ни ветла и ни река.

По сути дела, мы поем не то,
но это нас ничуть не утешает.
Пришла весна, пора снимать пальто.
Случайный разговор и то смущает.

Воды нацедишь из-под крана,
и не покажется, что странно.
Так на обломках Парфенона
восходит куст совсем зеленый.

1982

ПОРТРЕТ РЕНЕ* С ДОЖДЕМ

Дождь цедит слова.

Белый дождь и черный кофе
клетчатая кепка нервные пальцы
дымок сигареты
не умещается жизнь поэта

*Рене Каландия - грузинский поэт

в кофейной чашечке
в капле дождя
- Ты знаешь что это уже
случалось уже было...
Кафе на берегу
и дождь.

Профиль Мандельштама
кто начертал
на том берегу неба?

1983

...ИЛИ О СТАРЫХ РИФМАХ

Но не каждый из нас понимал,
что таили в себе эти грозы,
эти розы, березы, морозы,
эти зы, золотые азы.
И ни разу никто не назвал
избавленьем от боли простуду,
но зато златоустом зануду
чуть не каждый не раз величал.
Только вышло из этого худо.
Прекратились однажды морозы
и засохли березы и розы,
откатились и самые грозы
вспомнить силился кто-то азы
и выращивал дерево Зы
садовод в одиночестве полном.

1981

ЗНАК БЕСКОНЕЧНОСТИ

КОМПОЗИЦИЯ

Евгению Вольфсону
- скульптуру

I

...как вода из крана подтекала,
шел разговор,
сочилось время.
...на рынке, где торгуют именами,
а не картинами, не письменами,
взлетают цены - ужас! - временами,
но это все придумано не нами.
- И мы спокойны, как на скотобойне
спокоен бык.
Но траты-тата, тата-тата лик.
- Ты беден, как младенец
только что из лона.
Траты-та-ти-та ти-та небосклона.

И Липецк не похож
на Витебск.
Не Генри Мур,
не Боб Раушенберг...

II

Вот человек - вот грех.
Вот губы, может быть, для поцелуя.
Поэзия, ты бедная наседка, -
все ждут чудес, что высидишь цыплят.
Но конфискуют книгу «Аллилуя!»,
о гибели искусства завопят.
Цветы, цветы - букетами, охапками,
венками.

Вздымайте, возносите
над веками,
живописуйте быт.
Проклятье! Даже бык
есть просто бык, бредущий на закланье,
или рисунок профильный наскальный,
или Пикассо черный силуэт.
Куда ты денешь, если ты поэт?
Тут разница, как между
М и Ж.
Но смысл как раз в соединении.
Вот здесь ты и прекрасен -
произвести на свет,
кого на свете не было и нет.
От сочетанья карих глаз
произойдут
как черные, так голубые.

III

И то сказать, мы тоже не слепые,
тем более в слепых поводырях
нам нет нужды

IV

Привычные стоять вниз головой,
ногами то есть вверх,
подозревали всех,
кто землю, грешный, попирал ногой,
в крамоле, ереси и богохульстве
подозревали.
То век был... век химер и наваждений,
век золоченых рам
и мелодрам.

Царевна перезрелая влюбилась
в незрелый плод.
Сорвать его хотела,
он не давался, прыгал, ускользал.
Царевна злилась.
Не умывалась и не брилась
и Богу не молилась.
Цыганок призывала и гадала
на воске, на цветке
и на кофейной гуще.
Страсть разгоралась в ней все пуще.
Ногтями длинными она хотела
плод зацепить, но не сумела.
История имела продолженье.
Суд не дал делу должного движенья.
Финал то ли потерян, то ль сгорел.
Плод недозрелый чудом уцелел.
И в срок созрел.
Царевна бродит привиденьем
и страх наводит с наслажденьем.

V

От земли ни на шаг,
от чернозема.
Лапша мешает на ушах,
не слышно майского грома.
В наших краях
не треножили лошадей,
а только спутывали
передние ноги.
Лошадь и так не уйдет
от людей.
Не перепутает дороги.
- Послушай, - говорит мне сосед, -

чтобы в яблоках было железо,
я под яблоню закопаю велосипед,
а иначе бесполезно.

VI

С другого берега кричат,
зовут.
А тут
с приплодом слепышей-котят
кошка разлеглась на полу.
Так не дает распространиться злу
природа появлением чудес,
где озеро стоит, как темный лес,
где лес, как светлый пруд,
где древний город вскорости найдут,
и черепки музею отдадут.

VII

Бегущая, заветная,
земная.
Как на тебя восстала
сила злая -
за то, что недоступна,
что заветна,
за то, что обликом своим
заметна.
Бегущая в толпе,
где каждый
бега жаждет.
Но ждет
и смотрит,
кто начнет.
Бегущая из правремен,
с тех пор,

когда еще надеялись на ноги,
когда из камня делали
топор,
когда вблизи пещер
розвились боги.
Бегущая! Развернутая
в профиль,
легко берущая
барьеры крови.
Бегущая навеки
жизнь.

1983

СМИРЯЯ СТРАСТИ

Там сидели господа мещане,
чай в стаканах ложками
мешали.
И на всех вниманье
обращали.
Над столами пролетала
муха,
как посланница иного Духа.
Разговор мещане продолжали,
что товары сильно вздорожали.
И жужжала муха над столом
о потустороннем, о другом.
Здесь остановила фразу
запятая,
месяцем восстала золотым
и одна мещанка дорогая
внезапно оказалась пьяной в дым.
Как удивились господа мещане,
когда позвали к выходу с вещами.

И тут увидели, что в чай попала
муха.
Им предстояла долгая разлука.

А там сидели господа мещане.

1984

Мы шутки шутим,
ты глядишь,
и вскоре оторвешься.
Ну что же, братец,
не боись,
жив будешь.
Не вернешься.
И все, что прежде -
не теперь -
уже, а не начало,
ты выучился терпеть,
но не жевать мочало.
Воспитанник немых равнин,
аудиторий сонных,
из детских вырос ты штанин
и дорожек торных.
И уже другой-другой
цвет и коленкор
ты не знаешь -
как назвать,
это не в укор.
Житель ты всяя земли,
совесть, а не тлен.
В путь отправиться вели,

в поисках живой земли,
покидая плен.

Кари очи, черна бровь
путеводная любовь.

ИЗ СОВРЕМЕННЫХ МОНОЛОГОВ

...Не какие-то страсти-мордасти,
а то, что рядом с тобой.
Один говорит «здравствуй»,
а тот не шевельнет губой.
Вот напыщенный дядя,
ой, довольный собой!
Вы знаете, как это больно -
выйти на улицу,
встретить соседа.
Кое-кто улыбнется невольно,
иный зуб оскалит победно.
А все мы ходим в кино,
в магазины,
где в продаже - рубило и
палка-копалка.
Мы все не хотим
рутинны,
которой нам очень жалко...

Твердая шина вер -
есть ли вершина?
Тянется море мер
длинная, как рейсшина.
А тут, на другой доске

пляшет цифра худая.
Кровь у нее на виске,
почти как у Ху Яобана.
Долго ли длится ночь,
перетираемая
мобом и нерем,
когда звенит в звоночье
Рем или мерин.
Среди каких ши рот
шина вер потеряна -
если людей, как шпрот,
на просвет проверили?

Словно спящий, Гомер,
закрыты его глаза.
Тянется море мер
куда, что нельзя сказать.

Жалый выкрик птицы,
щебет желторотых...
Спрашивают:
- Кто ты?

Так
Лейбница читает ночь,
чтоб Солнцу трудному
помочь
перевернуться с боку
на бок,
впрок
приобретая навык.

1985

Нам непривычен
облик-Хлебников.
Не угадали - это он ли?
Деревьев выстывшие комли
давным-давно
не ждут посредников.
Но до столицы и до Вятки
вы чуете дрожанье ветки.

1985

ИСКУССТВО ПАЛИНДРОМА

«И жар и миражи»
Н. И. Ладыгин

Ход строки двоякий -
небозема знаки.

Но дрожит струна неодинаково
близ Тамбова, около Саратова.
Но стрела, излетев из Калуги, -
в Байконуре вернется на круги.

Кто боялся тележного скрипа,
знал, что лебеди
так же скрипят,
потому эти клены и липы
в океане воздушном летят.
Замерзает и тает
смех и стон.

И волной набегает
янь и сон.

1985

РИТОРИЧЕСКИЕ СТИХИ

Остановимся, и вдруг
это будет - то, что надо.
А и был ли этот круг -
круг сомнения и лада?
Или в самом деле - друг
познается в круге ада?
Я не верю в смертный гриб,
если даже зазывали.
Верю в то, что не погиб,
не загинул в вихре лет
(за семь бед один ответ)
пес прозренья и Поэт
бледно-голубой эмали.
Баснями полна земля.
А влюбленные таятся.
Если слишком тла и зла,
то не хочется смеяться.
Разве что сожмет сердца
птица Сирин в этот вечер -
не предвестием конца,
а величием венца
для тебя, о человече.
Нитка бус украсит грудь,
лик восточный оттеняя.
Поищи кого-нибудь,
мы любимых не меняем.
Очевидец и пророк -

посох так вонзи в песок,
чтоб вода забила к небу.
Чтобы каждому глоток
к пресному сухому хлебу.

1985

Разрешат потомки спор -
гаснет иль горит костер,
чей.
Нынче не до мелочей.
Вы додумаете сами,
что хотелось мне сказать,
сесть ли нам в чужие сани
или целиной скакать.
Ехать рысью или шагом,
или задом наперед.
Кто на все ответит разом,
где порука - не соврет?
Хорошо от бородавок
помогает чистотел!
Говорю вам напрямую,
что сказать хотел.

На ничейной земле Никто
сыплет в горсть из горсти Ничто.
О, не трогай, Никто, Ничто -
превратишься в ничто не то.

1982

СНОВА ЗА ЗОЛОТЫМ РУНОМ

В лапах казенного леса
невидаль - не заблудиться.
Дерево - из железа,
как сквозь него прорубиться?
Что это, братцы, случилось
с нашей старинной сторонкой?
Ветка слегка надломилась,
ойкнула звонко.
Мельница что ли стояла,
то-то осталась запруда.
То ли сгнила, то ль упала.
Вот эта песня откуда.
Свист ударяется в стену,
падает лист дребезжащий.
Путник окликнет Сирену,
как Одиссей настоящий.
Память твоя одинока,
сможешь ли вызвать из праха
время, где ветка намокла,
время, где плыли без страха...
Цапля стоит одиночка.
Ласточка чиркнет о провод.
времени жаждешь иного,
только и это не довод.

О, не страшась, не помешкав,
в путь собирались и плыли.
Через Обман и Насмешки.
Или загинут. Или

Январь 1984

ПЕРЕД ЗАРЕЙ

Слова-любимчики
и пасынки-слова,
слова-подсолнухи,
слова-халва.
Голубоглазые слова
и кареглазые.
Рабочие слова
и праздные.
Слова-восторги
и слова-хула.
Почтенные и падшие
слова.
Слова-деревья
и слова-трава.
И те еще слова,
которых брезжит
свет едва-едва,
почти неузнаваем.

1984

22 НОЯБРЯ 1984

Асфальт не омыт дождем.
Окурок не источает аромата.
Сиреневый цвет заката.
Природа не виновата.
Мы еще подождем.
Прощай, ветряная мельница.
Крылья твои в пыли.
Не забудьте цвета земли.

Прохожие - глаза отвели.
Но все еще изменится!

Выливаю воду из сапога.
Постигаю законы стихосложения.
Правила дорожного движенья
сулят победы без пораженья.
Болото дружественней врага.

И поет ветряная мельница,
что все еще изменится.

ЭЛЕГИЯ О ДЖАЗРОКЕ

19 января 1985

Медь осыпается

сипло.

Exegi monumentum
memento mori.

В парке и на лугу.

То, что сказать -
не солгу.

Когда сочтут за сумасшествие
второе пришествие.

Так бьется бабочка ночная
в полоске узкой света
на грани тьмы и лета.

Aх, наша песенка не спета.
Только-только начинается
дождь.

Крылья «блерио» в мокрых каплях.
Разбейте барометр.
Неверно, что «Вечная Сушь».

Все собирается в истоке.
Тонюсенькой иголкой в стоге.
Младенцем будущим в потоке.
Грядущим вымыслом в итоге.
То плачет соло саксофона,
то прячет голос в синем цвете.
Так дышит северная крона,
белеющая шапка клена
мечтой о лете.

И незаконченную фразу
внезапно выдохнуть
под взмах руки.

* * *

Памяти Ю. П. Казакова

Дробись, дробись, пустая скорлупа.
Пустое время и пустая память.
Бежит собака, и не может лаять.
Одна любовь по-прежнему слепа.
И звук пустой, и слово, как забава.
Убей меня, и душу отпусти.
В каком часу открыта переправа
в тот край, где разом плакать и цвести?
Скрип лебедя, почти что скрип телеги.
Сквозь грязь земли пройдет лопата
в твердь.

И звякнут обмороженные слеги
при слове «смерть».

1982

* * *

Не думаем о том,
что нам сулит
времен иных
невнятное броженье,
а думаем о том,
что здесь болит
и принимаем хаос
за движенье,
как будто вечные,
мы разделяем власть,
не проницая то,
что за пределом,
не ведая,
что так и не сошлась
душа грядущего
с позавчерашним телом.

1984

* * *

здесь пламя муравья бежало
лес горел как бы закат
капля на листе дрожала
в ней небо - пестро от заплат
быстро-быстро-быстро
лес осенний отсырел

и мелодично пламя пало
в темно сиреневых небес

так было много: мало мало
светился дол и лес...

1985

* * *

За чугунным
за чугунным
за мостом
за мостом
эта елка
смотрит с Запада
на Восток

на заходе
на закате
ветровом ветровом
что-то чудится и мнится
за листвой
травой

и сирень
играет-ает
лепестками
и кукушка
куковает
правду временами

1985

БЕЛЫЙ ВОРОН

Траурный марш
vas не вдохновляет.
Но если другая
музыка не звучит,
если путей иных не зная,
ты, музыкой объемлемый
и все же молчишь...

Все зеленое - зеленеет,
как бы само собой,
без усилий.

Итак, он идет
по дороге, итак, он летит
по дороге
и пыль
не касается
его одежд.

По законам природы -
законам творения
он единственный
и незнакомый
искусству полому
и ремесла
сапожника он не знает, увы!

Это Вседенная
перед ним,
где Лобачевский
и Эйнштейн
пересекаются с Евклидом,
где луг зеленого творения
нас любит

в нашей неразумени.

И голосами
неосенними
зовет грядущее
потрогать
и молока,
горчащего слегка,
попить,
сдувая пену теплую.
И вишня

в этот миг призываю
глядела черными очами,
нас призывая заменить
то, что называли мы
речами.

Так слепяще-белый ворон
оказывал свой белый норов.

И опускался он на пашни,
и думал, ногу поджимая,
и виделся в поступи отважной
вдали, как будто поджидала,
на опоздавших на столетье
очами черными взирая.
И травинку взявши в клюв,
наиграл концерт для фортепьяно
Скрябина А. Н.

Он путь держал скорей к Востоку,
где горы высились
верблюдом,
где мир дрожал
живым истоком
и где иначе
пели люди,

где буквы Х и М
сходились в битве
и Б искало путь не зла...

Так слепяще белый ворон
оказывал свой белый норов.

Пока мяукали здесь кошки,
за хвост поймать его хотя,
и пять иль шесть ворон из стаи
покрасились скорее в белый цвет,
чтобы тем самым взять приоритет,
он дул в травинку, намекая,
что за семь бед один ответ,
предчувствуя, что
почва созревает.

Он поводил глазами,
не говоря, что никогда,
а понимая, что навеки.
И, плонув косточкой от вишни,
и постигая грусть букашки
смотрел он очесами Вишну,
воробушкам отдав сухие крошки.

Весной он к северу тепло
Елене матовой приносит,
лицо напоминает, что светло
и снисхождения не просит.
Мир может хрустнуть вдруг на сгибе
и слово
легко войной оскорбить,
решительно он равенство поставит -
творить-любить.

Когда ему:
- На в лоб, болван! -
почтительнейшее произносят.

.....
.....
.....
.....
.....

Симметрия начала и конца,
как будто неоконченность стихии,
и чтимыйочно за отца,
он попадает вдруг в витии.

А его уже на другом
берегу
ожидают нетерпеливо
и лодка
направляется сюда.
Вот носом в берег ткнулась,
но пока
он сесть в нее забыл.
Он увлекается
внезапным взлетом вверх,
паденьем вниз.
Воздух сечет крылом
и, опервшись о воздух,
летит на юг,
где зиму зимовать,
как будто бы не замечая
явно, что поле
там
внизу
покрыто черным вороньем.

И вишни
вытек глаз.

Но белый ворон отряхнулся
арбуз разрезал астраханский
и в небо сразу устремил
свой глаз и птичий и тарханский.
Он замечал движенье там:
пониже птицы, выше тучи.
Он слово тайны прошептал
и зоем отзвались кручи.
И лебеда пала в ноги.
Лопух закрыл свой взор листом.
Тяжелые воспряли боги,
чтоб раптом умереть потом.
И вишня цвет свой потеряла,
чтоб завязь дать,
и как дитя
листвой зеленою играла
и кожей нежною светя.

Перекрывая дикий зной,
иссушающую жажду,
выдохнул как будто зой:
- Жа-жду! Жа-жду! Жа-жду!

На окраине разверстой ночи
светилась точка,
отдаляясь.

Чиркнул спичкой
и обжег пальцы.

Так слепяще-белый ворон
оказывал свой белый норов.

Из пункта Б к пункту Х
шел человек,
не теряя из виду
пространство точки на часах
на опоздавших на столетье
горела вишня
черными очами
и выпь вопила
черными ночами
в сухих болотах новгородских.

Другие же за благо
посчитали
придти с обратной стороны.

Как нежной матери сыны,
которая их била больно,
они сказали, что довольно,
они ушли, остались сны.
Как мамонты вмерзают
в лед
и муха тонет в янтаре.

Полетом в космос называя
вращение
в пустом сосуде,
зачем ошиблись мы, не зная,
что в нас живут иные люди?
Зато
небесных пахари миров,
тroyянских не приняв даров,
внутри себя растили космос
и звездный наклонился колос.

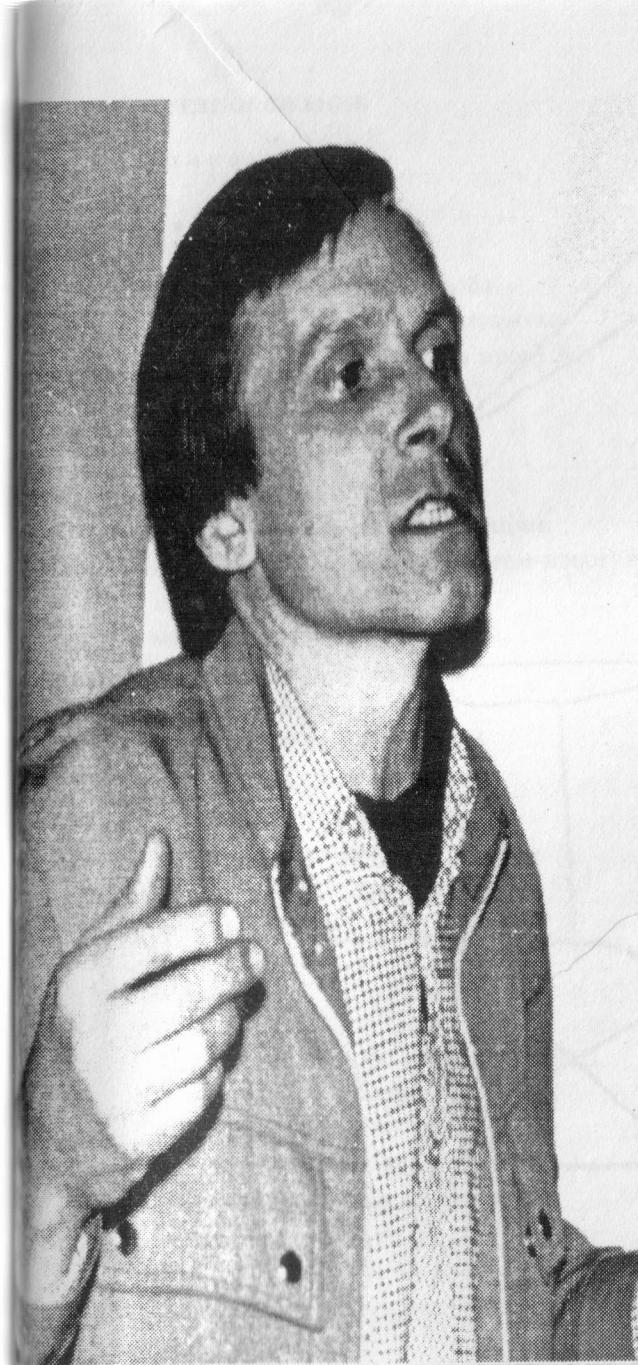
Так оказывал свой норов
белый ворон.

Закрыв глаза, он созерцал
внутри себя моря и страны
и книгу вечности листал -
она из камня и металла.
Каких-то крохотных примет
ему хватало.

Другие же за благо
посчитали.

На веки их не сели звезды,
входили дважды
в ту же воду,
которая цвела
и тина мутная всплыла...
Меж тем шел по дороге
Гуль-мулла,
читал пески
и черноземы,
сосны стремительную высь,
единственный
и незнакомый,
не разумеющий: «Вернись!»
И слоем почвы плодородным...

1985.

КНИГА 3-Я

ОКЛИКАНИЕ ВСЮДУ

1986-1990

ПРЕДПОЛОЖЕНИЕ

КОМПОЗИЦИЯ

* * *

Эти строки - все еще проба.
Эта жизнь - еще только попытка.
Это - все еще - головой в прорубь.
От нехватки? От избытка?

* * *

Здесь нет последней инстанции,
как разницы между таксистом-извозчиком,
между песнями и танцами,
между судьей и доносчиком.
Не последняя станция,
еще не тупик,
когда по линии ташится
локомотив-старик.
Но между луной и солнцем,
между жерновами так
сквозь смертоносный стронций -
звездная мука

* * *

И кроманьонец в черной тройке
и марсианин в белой паре.
На каблуках слепят набойки
под волны звука на гитаре.
Поскольку все идут в одежде,
не разгадаете мутанта,
как, утверждают, было прежде:
Циклоп, Сирена и кентавры.

* * *

360 оттенков пульса
ищут себе равенство
в повороте на 360°,
делятся без остатка
на суточную норму -
24 часа.

Но как угадать при этом
значенье числа 15?
Как угадать
марсианина в ребенке
от кроманьонки?

* * *

Яблоко бьет по кнопке
на черепе Ньютона.
А кроманьонка по попке
ребенка -
и он не откроет Закона
Всемирного Тяготения,
хотя и будет испытывать
различные влечения,
будет кушать печения,
варения и соления
и чужие мнения.

* * *

Кроманьонский закон бдительности
для тех, кто выделился,
определяет сумасшедший дом.
Но Хлебников откроет закон длительности,
числом остановив Содом.
Свободный полет длительности
не рифмуется: и т. д.,

и тождества не ищет
с толстовским е. б. ж.

* * *

Это попытка, попытка
соединить две расы,
два недостатка и два избытка
Земли и Марса.
Рано отчаиваться! -
чем она увенчается?

* * *

Особую тревогу вызывают метисы,
потому что пока неясно -
особи какого пола прибыли с Марса..?

* * *

Всего лишь гипотеза,
что это были мужчины,
поэтому Во имя Отца и Сына.

* * *

Здесь остановка, чтоб передохнуть.
Еще не знаем, как там было дело.
Какой длины был тот возможный путь.
Что там цвело и почему истлело.

* * *

Марсианин и кроманьонка
под широкой листвой.
Там и рвется, где тонко.
Тонок, тонок, словно пленка,

нашей памяти слой.
Как по замкнутому кругу
марсианин с кроманьонкой,
что они поют друг другу? -
горизонт срезает кромкой.
Нависает дождь из тучи,
вдруг он памятью прольется?
Знали Гельдерлин и Тютчев,
но не то, как отзовется.
Боль на грани вспоминаний,
ниоткуда резкий зов.
Быстрый топот тараканий -
вообще без слов.
Дочь моя глядит в костер,
говорит: - Погибли ветки...
Почему же так остер
взгляд, которым видят детки?

* * *

Снова зрение вернуть -
детское глубинное,
чтобы увидеть как-нибудь,
что дорога длинная,
чтобы как-нибудь понять,
что случилось с Марсом,
чтобы история вдругорядь
не увенчалась фарсом.

* * *

...Сколько пройдет миллионов космических лет,
прежде чем вновь возродится на Марсе белок
и биосфера, которую выжег уран
или плутоний, или какой-то другой
атом с тяжелым ядром, тяжелее ядра

нашей планеты? Не отвечает Гомер.
И Вергилий молчит.

* * *

Это попытка, попытка
проникнуть стихом свободным
за горизонты мысли,
за горизонт судьбы.
Мать Скорбящая!
я могу догадаться -
почему ты скорбишь.

* * *

Марсианин бродит в чаще,
крылышки намокли.
Он смотрел в земную зелень
сквозь стекло в бинокле.
Он сжимать умел пространство,
сохраняя время,
чтобы бросить в тайном танце
в эту почву семя.

* * *

К доске привязанный
Микеланджело
словно в оргазме
выплескивает
в купол чистые краски
Страшного Суда.
Из Эфиопии праздной
семя везут в Россию
для прививки растения
по имени Пушкин.

Сколько в Моцарте
марсианского,
чтобы музыка
«Волшебной флейты»
звучала прямо с неба,
фонтаном вбивалась в небо,
а тело его исчезало,
миновав могилу?

Не там ли, не там ли,
не там ли - бежит
карандаш по карте.
Не здесь ли упал ангел -
в Палестине?
Не там ли, где позже
пройдут кочевья калмыков
и лицо обратит к Востоку
Велимир I.

* * *

Погодите - головой в прорубь.
Мера точная - нет избытка.
Это - первая строчка - проба.
Эта жизнь - еще только попытка.

* * *

И пройдет кроманьонка
с коляской
в обработке Пабло Пикассо.
И проповенью прогрезит
о проросли мировой
Павел Филонов.
Красный цвет Марса
и зелень Земли.

Эпилог

Погодите - головой в прорубь!
Эта жизнь - еще только попытка.
Эта - первая строчка - проба.
И в попытке прячется пытка.
Повторяю, словно молитву:
заяц бегает прытко -
не обгонит улитку...

1986 - 1987

Примечания:

1. И т. д. /и так далее/ - по воспоминаниям современников В. Хлебников мог оборвать чтение стихов в самом неожиданном месте, сказав: «и т. д.»
2. Е. б. ж. /если буду жив/ - характерное выражение для дневников Л. Н. Толстого.
3. «Проповедь о проросли мировой» - книга выдающегося русского художника П. Н. Филонова, написанная «сдвиговой прозой» /1915 г./.

МЕХАНИЗМ ЧАСОВ

«Нет», словно тень,
в «да» слышен ад.
Созвучия зовут назад
то слово, то строку,
и в полночь
из часов
влетает в ночь: «Ку-ку!»
и падает назад.

1986

КОММЕНТАРИЙ К ФОТОГРАФИИ

Возле дома с круглой башенкой
постаревший человек.
Время здесь позавчерашнее
и роса утекших рек.
Но глаза такие здешние,
видевшие наперед.
Выкос неба над скворешником
сильно за сердце берет:
Но глаза такие вечные -
в рифму с небом и землей...
Колос ржи с корзинкой гречневой,
брат с сестрой.

1986

В СКРИПЧНОМ КЛЮЧЕ

Памяти Композитора

Рука подхвачена рукой
над нотой ля
октавы третьей.
Что слава сделала, другой
так не пометит.
То было время трудно-дней,
народного желанья славы.
Возможно ль выдумать людей
сложней, чем эти сплавы?
Терпением ожесточать -
какая стойкая привычка.
Разбей молчания печать,
скрипичный ключ, а не отмычка.

1986-87

* * *

Лошадь вымолвить боится
то, что ей известно все,
что она читает лица:
«Бык, Собака и Осел»,
что в любом исповедании
мысль и умысел - враги.
Что печальней сострадание,
чем хромать на три ноги.
Лошадь переводит Канта,
труд ее тяжел -
не грамматикой диктанта
пахнет шахты ствол.

1986

НАЧАЛО БУДУЩЕГО

Ндменно шею выгнувший верблюд
Евангелье читал или Талмуд,
не то Коран, не то Махабхарату,
как будто бы оплакивал утрату
колючки вместе с ветром-суховеем,
а все казалось - сладить не сумеем
с пустыней, вопреки ее пескам,

как океан простерся глаз верблюжий
слезою, как волною он плескал
на древние кричащие страницы
и проступали в каждой капле
лица
силлабикой, магическим письмом,
как отражения в себе самом.

97

* * *

Умирающий зверь на распластанных лапах
с невозможна раскрытою раной в боку,
и летящие невесть откуда на мертвенный
запах,
почему-то вороны кричали - «ку-ку».

Рыл последнюю яму, царапая когтем
комья грязной нелепо-кровавой земли,
напрягая последние жилы, суставы и кости,
будто вынужден хотел тех, кто раньше ушли.

А вороны заходят и целят в живое -
в глаз, где неба остаток дрожит.
Вот и кончилось. Нету - ни стона, ни воя.
Голый череп в пространство пустое глядит.

* * *

Впритык тюрьма,
а мы смеемся рядом,
руками держишь ты
беременный живот,
как будто опасаясь расплескать.

И женщина умершая
с убитыми детьми,
смеется.

На вышке
молчаливый часовой
пускает «зайчика» штыком.
Старая карга проходит мимо,
всем суя тюрьму.

Настоящее время
пре-вращается
в про-шедшее-едшее-шее-е...е!

* * *

Еще мечталъ моя свежа,
наивна, как ребенок.
Над узким лезвием ножа
лоскутик щелка тонок.

И я пристрастен, словно Бог
к творенью дня шестого.
Зачем прекрасен был Пролог,
когда трещит основа?

1986

* * *

Время вытекает
сквозь ивовые прутья.

Набухшее вымя
поражает своей красотой.

Молочная роса
выступила на сосцах.

Вот-вот ударят
молочные волны
в кисельные берега.

1987

99

КАТЫНЬ

Почему Катынь звучит как Хатынь
почему в нем «кат» и «ты»
то есть я
почему эта сломанная латынь
режет резче ножа остряя
почему этот польский призвук
в моем языке
как будто кровь перетекла в кровь
запеклась на виске
левом соске

* * *

Свечение камней -
за ней, зане за ней,
избегнув, нет пропав,
Тиберий или Гракх.
Над рощей, нет, внутри
ад ропщет все ж, не так ли?
Тот, кто просил еды,
ел кляп из жесткой пакли.
А дальше совсем замечательно
заме, заме, за

ФОРМУЛА ФИЛОНОВА

Цветок разъят
розовеет мясо коня
дерево вырвалось
из глазницы
коричневатые прожилки мысли
на розовой коре

крошево металла
в бензиновой луже
расплавленный гудрон
льется за ворот
металлического охотника

женщина с японскими глазами
выныривает из Океана

с левого уголка

1987-88

* * *

непроницаемое лицо
обращенное внутрь себя
ищет ответа
внутри себя
и за ним
поступок движение угасание движение
покой

1987

ПЛАТОНОВ - ВСЕГДА

КОМПОЗИЦИЯ

I

Стирающий грань
молчания - речи
жизни - смерти
человека - травы

желтоватое лицо
уходящего

одеяло землистого цвета

огонь догорающий
видит
и уже!
не плачет

II

он видит
где бегут полые люди

они бессмертны

он спешит
пока еще не смерклось
напрягая зренье

дальше? назад?

III

умирание голоса -
Логоса
конвульсии смеха

и трещит под ногой
скорлупа ореха
похожего на череп
сухой

на чело века

IV

«...взрывная волна... слаба для моей гибели. Меня убьет только прямое попадание по башке». А. Платонов (из письма жене 6 июня 1943 г.)

в глазах ребенка
запрокинутых
прозрел невидимое
соединились небо и земля
от взрыва

холст неба
разрываемый с треском

мгновенная вспышка
затянувшейся боли
слова

лишь вера -
рожденное не умирает
ДА!

СТРАСТИ ПО АНДРЕЮ

Спотыкающейся строкой
и слезой просто соленою,
замерзающим следом
слезы -
вечной русской колеей
за Андреем,
за вечным Андреем
(фамилию сами подставьте).

Ах, игра, эстетический изыск!
Заплатите же кровью

и вздувшимся мозгом
и вы
за такую игру
на русских колоколах заиндевелых.
Или вложите персты
в отверстые раны,
Убедитесь! Что в кино
все ненастоящее,
кроме смерти режиссера

январь 1987

ПАМЯТИ АКТРИСЫ

Н. З. Пресайзен-Коломийцевой

Как будто с полотна сошла Шагала
на миг, и вновь вернулась в полотно.
А нам живым так мало, мало, мало.
Всего лишь приотдернула окно.
Всего лишь занавеску приоткрыла,
там луч играл, цвела голубизна.
Намека малого не проронила,
что за спиной вершина, но без дна.

ПЫЛЬ МРАМОРА

Прикосновенье к мраморной плите
а дальше сразу Дант
без остановки
а дальше волки
мелкие уловки

пыль

наждачный диск

высекновенье искр
зубная боль
снижение
вспышка свет
крыло вода
прожилки словно вены
между теперь и словно
никогда
разомкнуты частицы
и летают
молекулы молекул
тайны тайн
берут и лют
и снова замирают
как замиренные вне -
запно «нет» и «да»
*Silentium!*¹

но пыль
еще безумие
еще еще надежда
из пыли склеенные
Господа слюной
тебя ведут
и линия ноги
сломалась

пыль - это все
последнее что есть
ведь если рядом
трава
она седая
каменная
так

¹Молчание! (лат), см. ст-е Ф. Тютчева

быстрее всех бегущий -
неподвижен
ДА
ты отвечаешь будто
анаграмма
la morte²
и припорошено крыло
останется расставить знаки
бездарное зубило
взрежет край
но буквица засветится былая
она жи-вая

пыль

* * *

Наоборот слова на идиш,
смысл одинаков.
И древним зрением ты видишь
мерцанье знаков.

Как будто в Книге Бытия
стрелой навылет -
оттиснута любовь моя
уже на иврит.

ФОРМУЛА ФИЛОНОВА 2

Нет и двух
одинаковых букв.
Так рождается дух,
перемогающий тело,

²Смерть (франц.)

перемалывающий
эти сухие дрова,
эти бело-дело-чело
в альфа-бета-гамма
лучи.
Кто бы знал, что настолько
серъезно
все, что слезно
и то, что капризно,
что прекрасно,
но то, что напрасно,
как могучий Атлант
под карнизом
с голубиным полетом
на левой щеке.

* * *

как бы время расправить
лист черновика
набросок гения
комок глины
на краю воскресенья
к закату
уже еле различимый

* * *

в корнях квадратных
путаница дня
извлечения чистой ночи
влечения стой очи
и ч он от сич я нне чель зи

* * *

обманутые ломают пальцы
«цып-цып» - подзывают их
 униженные постояльцы
 не видят в зрачках стальных

поступью Самозванца
раздавит и будет прочь
когда научат яйца
курицу выпить ночь
«Майн кампфа» и «Краткого курса»
тень падает и растут
как грибы на асфальте
Г-убийцы здесь и тут
Призраки России
колоски в обмолот
без анестезии
убивают народ
ноосфера в Сибири
и дальше на Дальний Восток
где больше всего убили
где в клюкве кровавый сок
небо - пустая глазница
страха уже в ней нет
когда идет вереница
мертвых тел и лет

* * *

Как просторно
в самом себе,
огарок цитаты
светит далеко.
Видишь, там

скользнула мысль,
похожая на рыжую белку?
Осторожнее переступай
черту горизонта,
за ней может оказаться
бездонная

ВЕЛИЧИНА

12 ДЕКАБРЯ 87

Непогода опять и опять,
завернемся в ненастье,
как в одеяло,
чай, не даст бездорожье
пропасть,
если страсть
обуяла,
и думаешь вспять,
где «по небу полуночи»
дождь или снег
или ангел
летит как попало.

* * *

Окись дороги.
Трижды дубрава.
Почерк травы.
Вот на разгадку
вечное право.
Разве сломали
не вы?
Степень и суть.
Светень и суд.

Съел соли пуд.
Локтем за локоть,
под локоток.
И зелененький платок
луга, поля молодого.
Ну, скажите, что такого,
что идущий босиком
к тонкой истине влеком?
Чуть не срезали ее
О-е-е!

* * *

*Ивану Андреевичу Крылову,
с глубоким уважением*

Лебедь, рак и щука,
ягненок и волк.
Как приспеет скука,
вот и будет толк.
Ворона и лисица,
лиса и виноград.
Что бы ни случится,
будет Ваня рад.
Слон облает моську -
мартышка и очки.
Мужички с авоськой -
ангелы почти.
Ворона и курица -
собачья дружба.
Есть чужая улица,
а своей не нужно.
Слон на воеводстве,
осел и соловей.
Обвинят в юродстве,
водочкой запей.

Кот и повар,
тришкин кафтан.
Иван Андреич помер,
а был он великан.

В ПОЕЗДЕ БЛИЗ ПРОСКУРОВА

Я проснулся от внятного идиша:
говорили старик и старуха.
Эти нежные звуки я, видишь ли,
разбираю немного со слуха.
Как потомок Алеши Поповича
и как сам по себе, не заместник, -
у Прокофьева и Шостаковича
я рассыпал еврейские песни.
Разговор шел о дочке и сыне,
говорили Ревекка и Хаим.
Я проснулся, меня не спросили,
я ответил: - Лехайм!

* * *

А шелестом чувашского
тропа сквозь камыш
не веришь - не заговоришь
если пламя горит
русь так говорит
угу

ЗА ЧТЕНИЕМ СЕСПЕЛЯ

Обнимая взглядом Чувашию
и дыханьем ее лаская,
ты почти произносишь: «Чăваш я»,

лишь губами перебирая
луговую страну, словно бусин гроздь,
потому что не перст, а гость.

* * *

Здесь падает огонь -
меж миром тём и этим

и равнодушно мы
в который раз отметим:
здесь падает огонь

ИГРА ГОРОВЕЦА

педаль - двойное форте
угасание звука

у - касание

мизинцем

осторожно Вы -

лепетывает

«соль»

пере -

вертывает

кружась опускается лист
ЛИСТ!

ТАЖЕЛАЯ ПОЭЗИЯ

финно-угорские названия
мучительны

погружаюсь в Панду -
вода ледникового периода

на сломе известняка
листик папоротника

бусы угорские
на ладони дрожат
капельками воды

здесь кого-то настигла смерть
здесь смешалась речь
в траве зеленой

в домике над рекой
две русские старухи
сторожат мордовскую Панду

истекающую

1988

СТЫКИ

Темнеет тайна -
слышится аканье -
московско-рязанско-
мордовский выговор
там, где Эрзя
превращается в Рязань -
здесь реки текут,
тут, возможно, плакали
мордовские жены,
плакать им что ли нельзя?
По камушкам катится,
переливается Панда -
река мокшанской
былой глубины.

Что разгляджу я
там за Моршанском,
какие стыки волны
и вины?

1987

13 ОКТЯБРЯ 1986

Занимается утро в степи,
да! тревогой.
Так алеет заря в черноте,
словно бы и не утро -
явление Бога,
имя собственное на холсте.

Я ДУМАЮ, ЕГО ЗВАЛИ
ЦИПРИАН НОРВИД

I

*не острье меча
спасет язык, но - дивные творенья!*

Ц. Норвид

И так луна легка,
что держится ничем.
Вы видите? А я не вижу
нитей!
Но кто же перепутал цепь событий...

II

Она раздета...

Ц. Н.

И в воскресенье
я смотрел на полумесяц,
все бестолку, все зря,

все шло к финалу
в дебрях декабря.
Но что за слово
бредило-бродило
под цифрой
польского календаря?..

III

...здесь обрываются черновики

Ц. Н.

Да, так его и звали,
это он
шептал издалека,
что было слышно
будто сам Всевышний
благоволил.
То человек,
он смертный
из развалин
шептал,
...печален
тверд

IV

Aх! как бы спали люди...

Ц. Н.

Тарелки глаз
незабудки совести
известь известий
ца-ра-пи-на стекле
тень дня

Его звали Циприан Норвид. Я так думаю, что у него были
другие имена.

Январь 1981 - май 1988

НАДПИСЬ НА КНИГЕ
«ПИШУ С НАТУРЫ»

голос может сорваться
а душа
жива
и поле ведет в пространство
так
мало
а
терпение трепет тени
неба тяжелый куст
если идти сквозь время
речью рекой уст

ТЕОРИЯ ОТНОСИТЕЛЬНОСТИ

Я никогда не видел
Сару Бернар.
Как вы думаете,
была ли она высокого роста?
Любила она макароны?
Тетя Сима проплыала
мимо нашего палисадника
в поисках заблудшей овцы.
Перекрестившись,
виртуозно ругалась,
картинно смеялась.
Она любила фильм «Волга-Волга»
после тяжкого трудодня.
Зимой читала книжку
«Кавалер Золотой Звезды»,
с мужиками не уживалась,
не любила узды.
И она тоже,

тоже, как я
никогда не видела
Сары Бернар.

1987

* * *

Письмом в другие времена -
вчерашние и в те, что будут,
где разрастается весна,
презрев сезонную простуду.
Глядишь, как льдина повернет
свое ребро изсиневато,
как небо молнией прорвет
и ангел обнаружит вход

крылато -

* * *

и возникший из пены и мусора
мост
через мыни интриги измены
изжоги
west und ost
буря мглою свободу нагую почуя
тропы
лебедою крапивой и в дудочку дуя
почемуя и муха
пы-пы-пы
на последнем дыханья пределе
отступая и вновь возвращаясь
назад
потомуя измены интриги
изжоги из пены
прятую

вопят

выплываются быки
и плывут
отдуваясь плывут

роняя былинки сухие сена
блики золотые играют
на серебряных спинах

* * *

Тень
шорох тени
и нет хороших
в шорах
кто хорош? -
рошко рошко!
Ни те, рох шо,
ни другие

1988

* * *

Гоголь - голый или гость,
голос или горе?
Колос воли, в горле кость,
космос в теплом створе.

* * *

Приближение дня или ночи,
простокваша из вымытых чашек,
где один и одна, но короче

то, что лучше и то, что иначе.
Гололеды утонут в сугробах,
если только не выпадет строго
то, что вызовет горе из гроба
или вызовет слезы у Бога.

Это это и то и другое
и черта и квадрат и острога
лебеда и закат и былое
если мало умножить на много

ЭЛЬДОРАДО

Слышно пение стрекозиное,
крылышкует тонко в тень
над водой, почти бензиновой,
над ладьей, стремящей лень.
Дуб таится в дольках желудя,
скоро взрежется, поверь!
Дыча вида обнаженного
ищет кнопки от потерь.
Манят куши золотистые,
вздрагиваю лепестки.
Словно ягодки ворсистые,
на губах дрожат соски.

* * *

Я говорил на птичьем языке,
на языке синичьем и скворчином,
да, были у меня свои причины
так говорить, так жить на сквозняке.

А ну, попробуй как-нибудь иначе -
из междометий и служебных слов

вся речь вокруг: вот, как бы, дескать, значит.
Застенчив быть и потому суров.

Я в этой школе, в этой шкуре топал
с тобой и с тем, кто все еще берег
последнее, что было поперек, -
тропу стиха, глухую силу тропа.

1988

БЕЗМОЛВИЕ

Определение жанра: «дьявольская разница»
в двух действиях
Действующие лица:
кто пожелает поставить себя
на место действующих лиц
ремарки, реплики и монологи равноправны

Действие I

сквозь асфальт выдавилась
паста чернозема

вот и весна

скоро кривая березка выкинет листик
она прилепилась к стене
кирпичного домика

вот-вот зацветет мхом зеленым
дата 1889

обвалился еще-еще один
ржавый лепесток с перекошенных
страхом ворот

О грязь высокнет

в пыль
Петербург на Дне

как это представлялось
Державину и архитектору Львову

завиральные русские
в каждом небольшой Петр Великий

но пространство необоримо

нежно встречала таких
Агния Моисеевна Писарницкая
соперница Фрейда
владычица желтого дома
где изредка любили бывать
художники Тихообразов и Мажирин
представляясь Федотовым и Van Гогом

а блестящий актер из грязной пивной
выкрикивал: «Опять начинается комедия Грибоедова!
Опять начинается Горе от Ума!»

кружкой пива уже обеспечен
да была весна / весьма глубокомысленно

и распахнуто было пальто
обесцвечены волосы девушки
перекисью водорода

брань на вороту не виснет

вздрагивают ноздри
глокая куздра прогуливается
семантически

в это же время
вдоль канала Грибоедова
делает попытку преодолеть пространство
Иосиф напоминающий Осипа
жаль что этого не видно из Петербурга
на Дне

отголоски процесса Синявского и Даниэля
в пьяной рыгаловке утонули
в кружке
и никто не даст тебе медали
«За спасение утопающих»
вот-вот

Безмолвие
вступало в свои права
в пельменно-шашлычной
тепло
ты сидишь в Ожидании Годо
и читаешь Бильярд в половине
десятого или Дознание
у тебя есть знакомый
по фамилии Ежов
шутя он представляется как
тот самый
плюнь три раза / скверная шутка

если ты родился здесь можешь ли
считать себя сосланным
к тому же имеешь ты право
написанный белой краской
на красной жести
прочесть Моральный кодекс
строителя коммунизма
у забора ты можешь помочиться
цель указана тебе

в конце концов ты знаешь что Лермонтов
и Достоевский еще существуют
в воображении

Безмолвие ты полюбил тишину
провинция тире смерть
производительные силы тире водка
Миргородская лужа не более чем юмор
мертвые души двоеточие дружеский шарж
на близких знакомых
жаль что В. В. Розанов так расстро-
ился

а вот и весна
Северная площадь тюремный забор
угол за червонец сосед Серафимыч
заказывает брюки в ателье снова
неудача сетует - трипперная погода
в зависимости от настроения - сифилисная

хватит и капли Безмолвия
в это же время
В. Т. Шаламов уже бестелесный
идет по Москве среди осколков
речи или чиер ичер чиер
чиер

глокая куздра уже будланула
Безмолвие лишено слуха

слепые Питера Брейгеля бредут
под бодрые марши

у тебя сигареты «Охотничьи»
/ 6 к., пачка /
букварь Сартра

отпадают звуки удная изнь
засыпаешь под бормот Серафимыча
во сне тебе является
ангел под видом Жития требует
анкету листок по учёту кадров

утром на заводе перекатывая бочки
в трудовом порыве
с Витькой Баландиным спорил
о «пражской весне» не соглашаясь
что «давить их гадов надо» сам
попал в гады
потерял зуб получил обещание
угодить к Писарницкой

Безмолвие состоит из возгласов

кудренком ощущил себя
надвигалась Глокая Куздра

считанные дни «Нового мира»
кавычки / невольная издевка
вечером Вестник вбегает
во дворец Креонта
«Антигона» Бертольта Брехта
режиссер - Виктор Ильев
художник - Неля Леонова
в роли Антигоны Таня Сербжинская
Креонт - Саша Новичков

Вестник: «...полные повозки
вернувшихся на родину с войны»
падает

сцена кукольного театра
чёрные сукна Безмолвия

на их фоне седая шевелюра
вернувшегося из якутской ссылки
романтика

Петербург на Дне

готовится донос на автора

в это время
очень интересны непоставленные фильмы
грузчика хлебного магазина В. Меньшова
в главных ролях В. Алентова
действие происходит в общежитии
возле метро Щербаковская

вот-вот весна окончательно
Г. А. Праздников наигрывает
на домре 6-ю симфонию Чайковского
перед тем как отбыть в Питер
навсегда

эра Безмолвия

приблизительно в это же время
вспоминаются слова Герцена о том
что среди русского народа всегда
найдется десяток людей
в самом деле какой-то глухой
отдаленный слух о вышедших
на лобное место

в перерыве между погрузкой-разгрузкой
под трубой парового отопления
на кафельном полу с томом Камю
затянувшись дымком «Охотничьих»
вечером в библиотеке листая

«Садок Судей» перечитывая «Небесных
верблюжат» «Неизданное» Хлебникова
ступая в темноту в жижку весны

когда мимо на полном газу пролетает
Коля-бибика неистово сигналя губами
имитируя пустыми руками лихие повороты
пока не задержит ГАИ за превышение
скорости по подозрению в шпионаже

под единственным фонарем в
сквере на лавочке читает
пьяный незнакомец
ничего не остается как пройти
напевая песенку Ганса Шнира
«Надоело слушать ХДС
бедному Папе Иоанну»

мысль что все могло быть не так
всегда приходит

Действие II

учившимся жить в Безмолвии
достаточно места
у них речь раз-ор-вана
знаки пароли
кому повезло чтение губ любимой
вахтерша по имени Молчи
старушка Би-би-си отпущенная на поруки
Агнiesz Моисеевной
художник из райгорода протянет
тебе лицо обрамленное
бородой ни слова не говоря

не прочитав ни строки ты говоришь
словами о. Павла /Флоренского/ опечатки афазия

Заратустра сидит на ветке
напротив гимназии где учились
Н. Федоров и Д. Бурлюк

догадка об ономастике
Петербург на Дне
покрытый платом Безмолвия

Таня Болтик прислала книжку
Василия Васильевича Каменского
из Перми
оказывается существует такой город
где зимой чтобы не замерзнуть
надо забегать в столовые
 выпить горячий чай с калачом

впрочем продолжается путешествие
с одноногим другом по Санкт-Петербургу
на Дне
стакан красного вина с конфеткой
статейка в местной газете
попытка деятельности
друг мудреет от влаги
скатившейся в желудок
вытирает слезящийся глаз
задетый фронтом поглаживает костыль

лают собачки Pink Floyd'a
неизвестными путями проникшие
в С.-П. на Дне под покровом Безмолвия
но это не такая тоска не «Крываню»

польский голос еврейские глаза русская душа

«Следовательно всякая жизнь
есть пир во время чумы»

цитата «Лоза» вокзал ураган
перелистал
книжку Верлена и дождь смешался
с дождем

казалось в этой комнатке
можно было умереть
от одного поцелуя
задохнуться и больше не встать

отступала глокая куздра

город раскачивался на сетке
параллелей и меридианов
его окончания терялись
в бесконечности в центре
раскручивалась спираль времени
вроде башни летатлина

в это же время:
«какой же Мощью надо быть
чтоб так Безмолствовать как будто перед бурей
в столь скучном существе как я»

птичка Заратустра щелкнула
перья ее повисли на усах
БЕЗМОЛВИЯ

смешанная техника

ПАМЯТИ ДАДА

ДАЛЕКИЙ ДА
ДА-ДА

Бретон

Во-да

меланхолическая мышка
тонким сереньким хвостом
задела тонкостенное яйцо
за это следовала вышка
хрустеть у кошки на зубах

АХ!

Тверь Самара-городок
палка о семи концах

лепет детский
чистый ток
век нечистый бьющий в пах
век плечистый малоголовый
отворяющий дырки в небе
в черепной коробке планеты
не замечая что уже раздеты
в предбаннике живые существа
и - в самом деле!

па-да-ет звезда

о где ты где ты
дочернее сыновнее

ДА-ДА

* * *

Мрак. Таинство обиды.

Ночь накануне Ч.

Я не не видел. Спал.

Во сне мне подарили

Телескоп.

Я разглядел Тельца.

Я был разбужен Тигром,

в котором и узнал себя,

и три щепотки бросил

в его лицо
крестом
и сам себя настиг
в его минуты роковые

«Блажен, кто посетил
сей мир».

* * *

О, Лебедь, повернувшись шею, очерченным
тонко глазом смотрящая. ЛЕБЕДЬ!
ТЫ.

Я тебя называю всегда
про себя.

Ты внутри меня точно и ты влюблена и
вошла в меня точно душа в оболочку вошла
и осталась во мне и вместе с
вместе с шелком груди и атласом
бедра. Ты вернулась опять разворотом
тонко разрезанным взором

поцелуем в чакру.

* * *

Ощущаю, как признаки пола,
готовность луга.

Ткань яблока рвется на зу-ах!
Ты есть.

Это место отмечено мной.

Здесь пчела собирает пыльцу.

Здесь дрожащее тело пересекает
пространство любви со вздохом,
зapasается вечностью,
касается кровеносных стен

В изголовье Невидимый
оставил Библию

Утренняя покаянная песнь
петуха

* * *

Стан предназначен для объятья.
Газета - для сермяжной правды.
Простак, я верю в то, что братья
все люди, кто не выпил лгавды.
Речь ходит все еще в обносках
с плеча холопа и лакея.
Явись Апостол и Философ -
иди, Любовь и Очи сея.
Быть может, перед «смутой дольной»
удастся сбить немоту Слова.
Неужто снова, снова, снова
и - больно?

* * *

очарованным и полуниющим
кораблем бездны
вращающимся сосудом
триофелем в мире нао
тригонометрической функцией
лаперсицей возврата

или или или
левой пяткой Сократа
там где звезды гнездо
утаили

пере-
вернутый
ОБРУЧ

* * *

Переводной картинкой брошен мир,
чуть сдвинутый, краями недолеплен.
Развоплощен, раздерган, гол и сир,
но и при этом и при том Велико-лепен.
Как будто в центре или в центре тож,
но только будто бы слегка смешенном,
руками водит тот, кто непохож,
сквозь слезы улыбается смущенно.

* * *

Камыш, который так шумел,
что выпил речку и загнулся.
А люд глядел, да не узрел -
как был народ и не вернулся.

Тут снег не достигал земли,
шумел камыш, деревья гнулись.
Зачем, кто дожил до зимы -
ушли во тьму, не оглянулись?

Опять зрачком кровавым князь
сверлит людские тайны спален.
Зачем он сеет кровь и грязь,
где Бог возникнет наг и тася?

Тут рвется занавес. И звезд
обрыв почти что неминуем.
Тех самых, бесконечных звезд,
где воздух // пахнет поцелуем.

* * *

Море Мертвое или Черное
или Мраморное - все равно
роет-строит водоупорное

ДНО

ДРАМА-ДРЕВО-ДАМА

Дама

Драма действующие лица

Древо

Д а м а /представляясь/. Я - Дама.
Этот путь начинается кроваво.
Я - Дама бедная.
Ступка медная.
Меня толкуют.
Я - там и - тут.

Д р а м а /представляясь/.
Я - Драма, то есть та сама,
где Древо и Дама
в конце концов рама
оправа
отрава

Д р е в о /представляясь/.
Я - Древо называюсь

и тут же каюсь
я спасаюсь*
спасусь
в этом слове слышится
Иисус
благодаря старомосковскому
произношению

кроме того я испытываю
поношения

Д а м а /кивая налево и направо/.
Господа, я умолкаю.
Я икаю.
/икает/

Д р а м а /обращаясь к зрителю/.
Стервозно!

Д р е в о. С вами невозможно
раз-говаривать
два-говаривать
три-говаривать

Д р а м а. Собственно говоря, прямо
двигаться невозможно
осторожно
тут яMa

Д а м а. На самом деле - это я
Дама

Д р е в о. Я задаю вопрос:
как измеряется время
изменяется
в кривом пространстве?
Я из лесу...

Д а м а. Мне претит
ваши скрипучий голос
у меня тонкий слух
изящный волос
я объята пламенем
изнутри и снаружи

Д р а м а. Ну же...
Д а м а. В меня был влюблен
Леконт де Лиль
он умер
сгорел от любви

Д р е в о. Что вы сказали?!
Скабрезность?!
Я оскорблена-но...

Д р а м а. Вот это вино!
Дар богов. Сон пирогов.
Шум океана.

Д р е в о. Я слышу в себе фортепьяно.
Клавиша «до» третьей октавы
запала

Д а м а. Мне мало мало
я любила
меня любил
Шопен (подумав) гауэр

Д р е в о. Это непереводимая игра слов

Д а м а. Нет это не игра ослов
а если так то
Золотой Осел
меня любил

Древо. Замолчите.
У вас ангина

Дама. Моя вагина
чиста и свежа

Драма. Простите, вы сели
на ежа

Дама. Ах! Я не знала,
что так бывает приятно

Древо. Как неопрятно

Драма. Я разведу вас
по разным мирам
вы будете - здесь
а вы - там

Древо. Но мы не закончили
спор

Драма (мрачно). На сцене
появляется Топор.

Топор (застывает в немой позе).

Дама. Ой!
Он глухонемой
он будет со мной.

Первые проблески рассвета.

* * *

вечер и вечер
береговой свет
смена климата тонкая вода
тинь-берег
верег-верег

Верег!

ткань
ласточка вереговая
тончайшая пыль на крылышках
у-летающая
ласточка

* * *

«Дятел в арбузинку» -
по определению Елизаветы

опухшие ноги старой березы
склеротический облик сосны

красная ягодка на листке
осины - кровавая слеза
режущая тоска прошлого
ого-го-го!

ОКЛИКАНИЕ ВСЮДУ

ЗНАК ПЧЕЛЫ

золотистый жуж-жж
знак беспробудной пчелы

неусыпной
жуж-жж-зьзи33

о Пчела заболтавшаяся Пчела
словно тонкая строчка
тебя повела
надо мною кружить
и жужжить
жить
вцепившись в плечо
замечая место
з-зь-зя
сколь-зя

КАПЛИ

О слово:
Камень
и
КАпля

=
Сиракузы. Мыслительная операция.
Перевернутая чашка.
Знак окончания
Великого // Часпития.

НОЖ осторожНО прикасается к хлебу.
//
Надрез.

=
Плечо твое оголенное -
источник // Света.

= !
Сама царица Ирония //

без платья
в меру курчавая
легкобедрая...
Что это у нее в руках?

Долька апельсина //
и долька перца.
!

О провинция, ты строга!
Гы-гы-гы!
Га-га-га!

* * *

Другую жизнь прожив,
возвратиться. Плеснуть
водицы на лицо из кружки,
увидеть - как
ребенок растопырил ушки.

ПУТЬ В...

КОМПОЗИЦИЯ

Так умер Агропром
туманность Андromеды
утопий чинных лет
и чтений при свече
за время что вполне
согрелись яйца Леды
и жизнью смерть поправ
встал Спас на кирпиче
так я смотрел в глаза
хладнокровных тварей
пришедших из низин
и вымолвить не мог

так дочь моя звала
варана нежно Варей
туманом восходил
над лугом легкий Бог

на самом деле так -
там обрывался кембрий
чреватый Сменой Вех
и Гибелью Богов
вслед за вторым убитым
падал первый
рояль и скрипка
и гармонь и ров

как скажет Рубинштейн -
«но я далек от мысли»
а я иду опять на запах молока
туда где капли снов
на радуге провисли
где ласточкина трель
для слуха велика
где горизонт промыт
и выкрашен листвою
где скрыто-рыто
между ай и ою

чертедованье

взгляд на небеса

и там за этим небом
небом небом небом
я пью слова
и нежно тает ночь
там рвется ткань

но ткется тут же нить
там возникает рифма
к слову «быть»
там слово «есть»
проносится кометой
и входит внутрь
и сладко ноет пах
там Ты и Я уравнены
в частях

и вновь обрыв
пугливая сорока
катает в клюве
капельки рябин
итак все медленней
гудит сплошной сосновый
березовый лепечет
и вишневый
на ощупь гладок ветер -
семя льна
и голос Лизы
и минутам счет
вот руку протянул -
по ней течет
минута за минутой
свет за тьмой
уже звезда уже луна
на среднем пальце
отдалена
но здесь
на вкус простор чуть горьковат
примерно как полынь
смотри звезда упала
и пара сов
в размахе мягких крыл

летит в тот край
откуда голос был
они летят они не виноваты
что мир О-крестный
вылеплен из ваты
где тонет звук
где бьется паучок
где именем всему и всем
Молчок
трепещет
или ты не понимаешь
тик-так любое
трепет а не треп
и так произнести совсем нелепо
как слово м а м а
четыре звука размыканьем
губ
стать в стороне
печальная улыбка
совсем некстати
но другого нет
что тут поделаешь
и в самом деле
коль долго смотришь в даль
то набежит невольная слеза
не отрицать же
законы оптики
и нервную систему
да с Павловым и Фрейдом
заодно

я это слово вымолвить
страшился
слова имеют свойство исчезать
произнесенные они от нас
уходят

а я люблю слова
и каждое мне жаль
и боязно как будто за ребенка
когда его пускаешь в мир
а он в слезах приходит
а тех кто понимает и
не гонит -
тех единицы
все наперечет

о чём Елена бледная речет
прекрасная Гуро

вот-вот смотри
как тает ветка сливы
как зачинает ночь
и лепится зигзаг
огня
ты слишишь - «янго! янго! янго!»
как длинен путь
от слова бел до лейб
и краток

не забудь закрыть
калитку в ночь

ещё! - на память
горсть земли и звезд

СОДЕРЖАНИЕ

Книга 1-я

Неопознанный голубь

Конец века.....	7
Перегорела навсегда.....	7
Леса разделись.....	8
Зимнее видение.....	8
Неопознанный голубь	9
Ночь	10
Рыщет по Тамбовской области.....	10
Последний анархист	11
Пастораль	12
Курица - не птица?	13
Совершенно невероятная баллада	14
Спаси и сохрани	15
Диалог	16
Сквозь пепел сиреневый	17
Нескладуха	18
Петух.....	19
Итальянское кино	19
Стихи на могилу Халины Посвятовской.....	20
Эстонский блокнот.....	21
1 Таллин в разрезе.....	21
2 Молоко Эстонии	21
3 «Междурремя поветриями».....	22
Ночь входящая верлибром	23
В кинотеатре.....	23
Ветвь меньшая от древнего рода.....	24
В тяжелую минуту.....	24
На улицах, в слухах и лопухах.....	25
Смутное время № 1977.....	25
День 29 декабря 79 г.	26
Прелюдия № 1	26

Перемена слагаемых	28
Причинно-следственное	28
«Зеркало»	29
Ориентальный мотив	29
Откровения засухи.....	30
Место на жительство.....	31
По течению.....	31
Ночью перед огнем, в детстве	32
Шестидесятые (1-3)	33
Корделия	34
Навстречу Гамлету	35
Три дороги.....	36
На континенте	37
Вот словечко в простоте.....	37
На пригорке синеет цикорий.....	38
14-й квартал (1-3)	39
В машине, на проселочной дороге	41
На невозвратной дороге	42
Путь.....	42
Узелок на память.....	43
Бродячий сюжет	43
Остинато.....	44
Беречь ненужное.....	45
Бабочка.....	45
По компасу и солнцу	45
У подножия Мтацминды.....	46
Ищи иголку в стоге сена.....	46
Где прошлое?.....	47
Междуд огнем и водой.....	48

Книга 2-я

Рождение Елизаветы

Я приносил тебе глагол.....	51
У реки ракита.....	51
Тайна высыпка.....	52
И одно пространство делили.....	52
158-я поэма	53
Город, рельефом тайным.....	56
Лепесток неувядаемый.....	56
Вечернее мгновение	57
Куст шиповника	58
Примета дня	58
На ветке со стороны солнца.....	58
По краю вышивки	59

Женское начало земли.....	60
Ежевичный берег.....	61
Портрет Рене с дождем.....	61
...Или о старых рифмах.....	62
Знак бесконечности (композиция).....	63
Смиряя страсти.....	67
Мы шутки шутим.....	68
Из современных монологов	69
Твердая шина вер.....	69
Жалынь выкрик.....	70
Нам непривычен.....	71
Искусство палиндрома	71
Риторические стихи.....	72
Разрешат потомки спор.....	73
На ничейной земле Никто.....	73
Снова за золотым руном.....	74
Перед зарей.....	75
22 ноября 1984 г.....	75
Элегия о джаз-роке	76
Дробись, дробись, пустая скорлупа.....	77
Не думаем о том.....	78
Здесь пламя муравья бежало.....	78
За чугунным.....	79
Белый ворон (композиция).....	80

Книга 3-я

Окликание всюду

Предположение (композиция).....	89
Механизм часов	95
Комментарий к фотографии	96
В скрипичном ключе	96
Лошадь вымолвить боится.....	97
Начало будущего	97
Умирающий зверь на распластанных лапах.....	98
Впритык тюрьма.....	98
Еще мечталь моя свежа.....	99
Время вытекает.....	99
Катынь.....	100
Формула Филонова	100
Свечение камней.....	101
Непроницаемое лицо.....	101
Платонов - всегда (композиция).....	101
Страсти по Андрею	103
Памяти актрисы	104

Пыль мрамора	104
Наоборот слова на идиш.....	106
Формула Филонова II	106
Как бы время расправить.....	107
В корнях квадратных.....	107
Обманутые ломают пальцы.....	107
Как просторно.....	108
12 декабря 1987 г.....	109
Окись дороги.....	109
Лебедь, рак и щука.....	110
В поезде близ Прокторова.....	111
А шелестом чувашского.....	111
За чтением Сеспеля.....	111
Здесь падает огонь.....	112
Игра Горовца	112
Тяжелая поэзия	112
Стыки	113
13 октября 1986	114
Я думаю, его звали Циприан Норвид	114
Надпись на книге «Пишу с натуры»	116
Теория относительности.....	116
Письмом в другие времена	117
И возникший из пены и мусора.....	117
Тень.....	118
Гоголь - голый или гость.....	118
Приближение дня или ночи	118
Эльдорадо	119
Я говорил на птичьем языке	119
Безмолвие («дьявольская разница» в двух действиях)	120
Памяти дада	128
Мрак. Таинство обиды.....	129
О, Лебедь.....	130
Ощущаю, как признаки пола	130
Стан предназначен для объятья	131
Очарованным и полуницим	131
Переводной картинкой брошен мир	132
Камыш, который так шумел	132
Море Мертвое или Черное	133
Драма-древо-дама	133
Вечер и вечер	137
«Дятел в арбузинку»	137
Знак пчелы	137
Капли	138
Другую жизни прожив	139
Путь в... (композиция)	139

Издание осуществлено
при содействии
мэрии г. Тамбова

Сергей Евгеньевич Бирюков

ЗНАК БЕСКОНЕЧНОСТИ
(в трех книгах)

В авторской редакции

Технический редактор Т. В. Корнеева

Лицензия ЛР № 030098 от 30.02.1991

Сдано в набор 5.12.94 г. Подписано к печати 2.03.95 г. Печать
офсетная. Бумага офсетная. Гарнитура Тип Таймс. Усл. печ. л. 7,77.
Уч.-изд. л. 8,95. Цена договорная. Тираж 1500 экз. Заказ 5230.

Добровольное общество любителей книги России.
ТГТПС, Моршанское шоссе, 14.

